Грустничное варенье

Автор:
Елена Вернер

Грустничное варенье

Елена Вернер

Лара и Лиля – близнецы. Только у одной впереди огромная жизнь, а другой навсегда останется 29 лет… Лара отправилась к Байкалу – тем маршрутом, который наметила сестра для их счастливого летнего путешествия. Однако сопровождать ее увязался муж Лили, которого девушка возненавидела: потеряв жену, он не страдал, а лишь грустил. И только когда начали раскрываться тайны его с Лилей жизни, Лара поняла: даже самые близкие люди – закрытая книга. Но осознав это, все-таки не утратила желания верить, надеяться и любить…

Елена Вернер

Грустничное варенье

© Вернер Е., 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Ехала карета темным лесом

за каким-то интересом.

Инте-инте-инте-рес,

Выходи на букву С!

Детская считалочка

Пролог

С самого утра Лара чувствовала это. Она пыталась занять себя тысячей дел, но все шло наперекосяк, фотокадры смазывались и пересвечивались, еда казалась безвкусной, а в животе то и дело проворачивалось холодное веретено. И она ощущала, как надвигается что-то громадное, неотвратимое, страшное. Проклятого пепельно-серого оттенка.

Наконец она решила, что так продолжаться не может. Надо взять себя в руки. В конце концов, ну что это за глупости – какое-то предчувствие? Наверное, просто авитаминоз. Солнце уже пригревает, хотя всего-то конец февраля, небо сквозь изодранные облака просвечивает совершенно лазурное, как глаза у младенца. И нет никаких предпосылок, чудовищной беды или неприятности, просто она устала, снова не выспалась, ведь уже две недели подряд ложилась в пять утра, вставала в девять и мчалась на очередную съемку. Накопленная усталость отравляет жизнь, вот что это такое. А нехорошие предчувствия – бред, бред и еще раз бред. На них надо плюнуть, желательно через левое плечо.

Лара давно заметила, что если день не задался, необходимо принять волевое решение. Для начала признаться самой себе: день скверный. Это уже хорошо – что осознаешь происходящее, а не плещешься в вязкой жиже плохого настроения. И сразу следующий шаг: просто переломить этот день и себя. Приготовить кофе с гвоздикой и щепоткой перца. Или съесть мороженое, самое любимое, и снова плевать на диету. Рухнуть на диван с любимой книгой. И сама не заметишь, как все наладится: просто отталкиваешься от самого дна и выныриваешь, и хватаешь ртом чистый воздух.

Она погрузилась в свои мысли, и кофе перекипел, вылез из турки и залил черной пеной всю плиту. Не желая сдаваться, Лара опрокинула остатки напитка в чашку

и отхлебнула: на вкус как помои. Правда, помои с гвоздикой и щепоткой перца. Пряные помои. Так что они отправились прямиком в раковину. А вскоре в стиральную машинку полетела футболка, заляпанная потекшим карамельным крем-брюле. Лара вовремя вспомнила, что «Поющие в терновнике» сестра взяла почитать еще в декабре, потом раскритиковала за излишний мелодраматизм – но до сих пор не вернула. «Лиля всегда такая, – подумала Лара. – Странно, что она попросила почитать эту книгу, ведь любовные романы не для нее. Правда, и не для меня тоже, все это сплошь неправда, но иногда так хочется…»

При мысли о Лиле она улыбнулась и почувствовала, как в сердце отогревается какой-то дрожащий, замерзший зверек. Неужели этот зверек – она сама? Тогда тем более надо позвонить сестре, уж Лиля-то знает, как парой слов исправить мир, сделать его таким, каким он и должен быть. Понятным, уютным, спокойным и правильным. Самой Ларе правильный мир почти никогда не нравился, но только не сегодня. Сегодня ей почему-то отчаянно, до слез, хотелось, чтобы кто-то очень любимый пообещал, что все будет хорошо. А Лиля была именно таким человеком. Самым любимым в мире.

– Привет-привет, – отозвалась в трубке сестра. Лара зажмурилась от невероятно острого облегчения, когда услышала это ее звонкое «привет-привет». Все в порядке.

– Что делаешь?

– Готовлю обед, изображаю из себя примерную жену.

– Тебе не надо изображать, ты такая и есть, – хмыкнула Лара. Прижимая трубку плечом, она подошла к окну и, поглядывая во двор, машинально обрывала сухие листья на вытянувшейся за зиму полосатой традесканции. За окном дворник в оранжевой робе долбил корку грязного льда на осунувшемся сугробе. Скоро весна…

– Да уж конечно, – хмыкнула в ответ Лиля, и Ларе почудился какой-то другой смысл в этой кокетливой реплике. Не смысл даже, а тон, легкий налет.

– У тебя все хорошо?

– Еще бы, – Лиля фыркнула, и у Лары отлегло от сердца. Никакого иного тона, кроме всегдашнего Лилиного спокойствия, она не уловила. Показалось, значит. – В конце концов, это не я тебе позвонила, а ты мне. Так, может, это у тебя что-то неладно?

– Не знаю, – Лара пожала плечами, хотя и понимала, что сестра ее не видит. Впрочем, не совсем так. Может, и не видит, но точно все чувствует. Да и сама Лара прекрасно представляла себе сейчас сестру, всю до мельчайших черточек. Она, должно быть, точно так же глядит в окно – эта привычка у них одна на двоих. Лиля на кухне, на своей аккуратной чистенькой кухоньке с клетчатыми занавесками. Стоит с телефоном в одной руке, с деревянной ложкой, которой только что помешивала соус, в другой. Фартук завязан на талии бантиком. Иногда Лара подначивает сестру, что та обязательно должна хоть раз встретить мужа с работы именно в этом фартуке, на шпильках – и без всего остального, но Лиля, конечно, никогда на такое не пойдет.

– Эй, не слышу в голосе энтузиазма! – забеспокоилась в своей чистой кухоньке Лиля. – Что-то случилось?

– Настроение паршивое, если честно. Ничего не случилось, просто паршиво на душе. Как будто голуби обос…

– Ну ладно, давай завязывай с этим, – почудилась улыбка в голосе старшей сестры. – Выше нос, Кузнечик. Все будет замечательно, я тебе это обещаю, хорошо? Не слышу ответа, прием! Хорошо?

– Хорошо… – выдохнула Лара. И все-таки решилась спросить: – Скажи, ты сейчас у окна?

– Да…

– На тебе этот твой фривольный фартучек, в левой руке телефон, в правой ложка? И с ложки капает мясной соус?

– Ну… Если учесть, что я готовлю суп-пюре из шампиньонов…

– Черт, почти! – с притворной досадой зашипела Лара. Внутри у нее все ликовало.

– И кстати, фартук у меня вовсе не фривольный, – напомнила ей Лиля строго. – Просто с ромашками. Вечно ты все опошляешь.

– И я тебя люблю, Лилия Васильевна.

– Все, я побежала, мне еще хлеб на гренки резать, а духовка уже нагрелась. Попозже созвонимся, да?

– Да.

После того как трубка замолчала, Лара еще долго смотрела в окно на дворника, на соседний дом и голые остовы деревьев. Во время телефонного разговора с Лилей ей показалось, что ее предчувствие – просто блажь. Отец звонил час назад, у сестры все тоже в порядке, гонорар уже перечислен на карточку, и даже счета за квартиру оплачены. Что еще надо? Однако, закрывая поплотнее шпингалет фрамуги, от которой дул вездесущий февральский ветер, Лара видела, что пальцы у нее трясутся. Внутри ничего не починилось, «звонок другу» не помог.

– Лара, тебе пора лечить нервы, – вслух подвела она итог и выудила из холодильника бутылку пива. Да-да, плохая девочка… Который там час? Шесть двадцать три, вечер. Может, пиво поднимет ей настроение и успокоит хоть немного? А потом, после ужина, можно будет созвониться с Лилей и поболтать подольше…

Крышка с быстрым шипеньем отскочила от открывашки, и Лара сделала глоток.

После ужина они не созвонились. Они вообще больше никогда не созвонились. В шесть часов двадцать три минуты Лили не стало.

Глава 1. Марсианки

Пробка, как змея с поблескивающей чешуей, извивалась и тянулась до горизонта, насколько видно шоссе. Это ведь не секрет, думала Лара, мрачно барабаня пальцами по рулю: на майские праздники из этого города уезжает, собственно, весь город. Жаль только, что она вынуждена ехать вместе с ним. Сегодня у папы день рождения, и она обязательно должна приехать на дачу и поздравить его.

День обещал быть не по-весеннему жарким. Автомобили двигались медленно, через силу, и над раскаленными капотами дрожал и слоился маслянистый воздух. Между Лариной машиной и фургоном без поворотника пытался встроиться кабриолет с убранным верхом. В пробке он смотрелся неуместно и довольно комично: ему бы мчаться с ветерком, а не дышать выхлопами старенькой «Газели». Если бы здесь была Лиля, сестры непременно обсудили бы это.

– Как думаешь, тяжелые металлы благотворно влияют на умственную деятельность? – выдала бы Лара ехидно. – Я имею в виду, сколько нужно дышать этой гадостью, чтобы сообразить, что откидной верх надо поднять?

– Представляешь, каково ему сейчас… Бедолага, – отозвалась бы Лиля с сочувствием. – Может, он вынужден, может, у него просто крыша сломалась?

– По-любому, – молниеносно согласилась бы с ней Лара, они бы переглянулись и прыснули, не в силах сдержать смех. А потом до хрипоты спорили бы, какой диск ставить в магнитолу: любимые Лилей джаз и классику – или заезженного Ларой до дыр Бон Джови[1 - Джон Бон Джови – американский музыкант, рок-исполнитель (здесь и далее прим. автора).].

Лара невольно скосила глаза на бардачок – там все еще лежали диски с джазом. Она не нашла в себе силы убрать их из машины, и слушать сил нет. Да и Бон Джови давно помалкивал, не до него теперь…

Должно быть, она все-таки отвлеклась от дороги, потому что бампер кабриолета стал стремительно приближаться. Спохватившись, Лара резко ударила по тормозам и тут же услышала красноречивый вопль клаксона из автомобиля сзади.

– Знаю-знаю! – она поморщилась и взглянула в зеркало заднего вида. Там, за рулем серой «Волги», хмурился дядечка в совиных очках, рядом с ним кипятилась дородная супруга, размахивая рукой и указывая на машину Лары.

Будь здесь Лиля, она бы обязательно сказала:

– Только посмотри на них, какая гармоничная пара!

Словно в ответ на эти так и не произнесенные слова Лара кивнула и еще раз осмотрела попутчиков в «Волге». Дачники. Он в свитерке с растянутым воротом, она в вискозной футболке, а к багажнику на крыше машины примотаны плодовые саженцы.

В этой автомобильной толпе все ехали встречать лето. С детьми, друзьями, семействами и питомцами. Кто-то вез мангал, кто-то – велосипеды, мотки полиэтилена для парника, рулоны поликарбоната для теплицы. В легковушке слева высунула свой розовый язык дворняжка, справа роскошный черный джип «БМВ» был весь заполнен рассадой помидоров и походил на причудливый аквариум на колесах, только вместо рыбы в нем обитала миниатюрная шатенка.

Машины ехали, медленно, но все-таки. Их водители ругались, сигналили, мигали фарами и открывали окна, чтобы выяснить отношения напрямую. Все двигались вперед. Как будто их жизнь не встала на «паузу», с которой может никогда больше не сняться.

Как будто есть какой-то смысл продолжать все это.

А вот Лара знала наверняка: смысла нет. Нет смысла ни в дисках со сладостными звуками саксофона, ни в терпких помидорных листьях, ни в тугих бутонах папиных тюльпанов, что наверняка раскрываются сейчас на клумбе у веранды. Потому что Лиля умерла, и ничто в мире не может вернуть ее обратно.

Лара коротко болезненно выдохнула и включила радио – невозможно выносить эту тишину одиночества. Выбирая волну, на которой не крутили бы веселенькую попсу, Лара вдруг подумала о папе. Вполне возможно, он увидит ее сегодня в последний раз.

Возможно. Она еще не решила.

Крепче стиснув руль, Лара постаралась сосредоточиться на дороге. Прокрутила в голове предстоявший ей путь, и на краткий миг на душе потеплело от осознания, что она все ближе и ближе к их дому с верандой.

В детстве они проводили на даче каждое лето. Тихий поселок под Сергиевым Посадом – эта дача была свадебным подарком от родителей мамы. Академик Евгений Крыжанов и его жена Александра Павловна недолюбливали Васю, тогда еще жениха своей единственной дочки Иринки, считая их брак мезальянсом. Ирина была недавней выпускницей консерватории, а Вася – всего лишь парень с мебельной фабрики. Возможно, именно поэтому подарок на свадьбу они преподнесли совершенно царский. Словно желая подчеркнуть пропасть, разделяющую простого работягу и их дочь. Но семейные дрязги отошли на второй план, стоило только появиться близняшкам. Ирина привозила дочерей на дачу на лето, чтобы те могли порезвиться на свежем воздухе, бабушка с дедушкой тоже заглядывали, сперва редко, потом все чаще и чаще, оставаясь на долгие недели. И наконец, в мансарде даже появился кабинет для дедушки Жени, чтобы он мог спокойно писать свои монографии и учебники по физике. На выходные из города приезжал отец, и как-то незаметно тесть и теща примирились с зятем. Чья была в этом заслуга? Вероятно, самого дома. А может быть, долгих чаепитий на большой застекленной веранде, куда на свет лампы под бахромчатым абажуром слетались все окрестные мотыльки. Или расслабленной болтовни обо всем на свете. Или запаха ванильных ватрушек, в которых Лара и Лиля, не сговариваясь, выгрызали только серединку, а потом глядели друг на друга сквозь получившиеся бублики и заливисто хохотали.

Однажды зимой, сразу после новогодних каникул в первом классе, ограбив копилку, близняшки умудрились сесть на электричку и отправиться на дачу, потому что Лара была убеждена – и убедила в этом сестру, – что, как только они переступят порог старого дачного дома со скрипучей лестницей, так снова наступит лето.

– Помнишь, когда мы уезжали с дачи? Мама все убрала, закрыла дом и сказала, что, когда мы сюда вернемся, уже опять будет лето? Ты помнишь? Значит, мама заперла там лето и мы уехали… Его надо освободить! – уговаривала она Лилю. Та, немного напуганная далеким путешествием, неуверенно кивала головой.

Они долго шли со станции, не столько перебираясь через сугробы, сколько перекатываясь через них, два ребенка, одетые как капуста, замотанные шарфами чуть не до самых глаз. И, лишь войдя в калитку, осознали, что ключей-то от дома у них нет. Лето, ждущее за дверями и окнами дачи, так вскружило голову, что никому из сестер не пришла в голову здравая и скучная в своей взрослости мысль про ключи.

Пока Лиля начинала потихоньку всхлипывать, Лара ожесточенно перебирала в голове варианты. Она даже попробовала открыть замок ключами от городской квартиры, а потом, чувствуя, как подкатывается отчаяние, долго скребла в замочной скважине отломанной веточкой бузины. Лето не хотело выходить, а зимний вечер ощущался все явственнее, захватывая мир вместе с быстрыми сиреневыми сумерками.

Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы их не заприметила соседка тетя Катя из дома напротив. Она привела девочек к себе, успокоила все-таки разревевшуюся Лилю, напоила кремовым топленым молоком и позвонила родителям. Примчавшаяся Ирина, уже полностью справившаяся с приливом облегчения и материнской любви еще по дороге, теперь строго отчитала обеих дочерей и потащила их на станцию. В тот день они так и не попали на дачу, и с тех пор у Лары и Лили на всю жизнь осталась уверенность в том, что с сентября по май лето заперто в их дачном доме, в полутора километрах от железнодорожной станции. И никаким рациональным сознанием это ощущение было не прогнать.

Спустя несколько месяцев произошло событие, разделившее жизнь семьи на две части, – до и после. Однажды вечером мама не вернулась домой. Учебный год только начался, и Василий, готовя ужин для дочек, думал, что жена задержалась в своей музыкальной школе из-за плавающего, не установившегося толком расписания занятий. Но к десяти он забеспокоился, и девочки, почувствовав неладное, долго не хотели засыпать, возбужденно болтали и ворочались. К одиннадцати Василий уже не находил себе места, а в полдвенадцатого побежал к музыкалке. До нее было недалеко, через парк всего минут пятнадцать пешком, и обычно Ирина ходила именно так, не обращая внимания на просьбы мужа делать крюк и огибать парк по освещенным улицам. Василий пробежал этот путь как стометровку и долго колотил в дверь и окна на первом этаже школы, не обращая внимания на то, что свет уже везде потушен. Наконец сонный сторож подтвердил его опасения: все уже давно разошлись. Да, в учительской было собрание, но собрание закончилось два часа назад.

– Велесова, говорите? Может, она к кому-то из учителей в гости пошла и засиделась? А вы вот Вере Федоровне позвоните, которая музлитературу ведет, они вроде дружат…

Но ни приятельница Ирины, ни преподаватель сольфеджио, ни даже директриса, которую Василий поднял с постели ближе к утру, ничего не знали про Ирину.

В милиции задавали неприятные вопросы про согласие в семье и возможный роман на стороне. Василий кричал, потом устал кричать и отвечал скупо и односложно. Он чувствовал, что помогать ему искать жену никто не торопится. Когда академик Крыжанов поднял свои старые связи, искать стали Ирину Велесову, в девичестве Крыжанову. Это было уже совсем другое дело, забурлила, закипела оживленная, но довольно бестолковая деятельность. Несколько недель Василий расклеивал объявления по округе, приходя домой только переночевать, и девочек на это время взяли на попечение бабушка и дедушка.

Но все было тщетно. Время шло, а никаких вестей об Ирине так и не появилось. В дни, когда Василий не работал, он слонялся по парку, через который должна была дойти до дома его жена. Вглядывался в лица прохожих, а чаще почти не видел ничего вокруг, потому что воображение подсовывало ему картины, одна другой гнуснее и ужаснее, и он почти корчился от ужаса и бессилия, смешанных со стыдом оттого, что все это представляется ему. Что бы ни произошло с Иринкой, это было страшно, иначе она давно вернулась бы домой, к нему и девочкам… Ворчала бы из-за того, что он снова захламлял балкон досками, лыжными палками и велосипедом. Всю осень варила бы компот из яблок, которые они собирали по выходным в старом саду неподалеку. Под бой курантов записывала бы мечту на клочке бумаги, сжигала и выпивала пепел вместе с шампанским, веря в исполнение загаданного со страстью маленькой девочки. Раз в месяц плакала бы потихоньку, – просто потому, что «взгрустнулось», и потому что – женщина. И в январе они все вчетвером поехали бы в санаторий под Звенигородом. Бегали бы на лыжах и возвращались под вечер с раскрасневшимися щеками, и у Иринки выбивался бы из-под шапки светлый, словно льняной, локон, который так приятно заправлять обратно и смотреть при этом ей прямо в глаза… Василий так четко представлял себе все это, так верил, что это возможно, что в какой-то момент даже начинал улыбаться и расправлял плечи. А потом вздрагивал и вновь оказывался один на аллее в парке. Самыми тяжелыми и одновременно радостными минутами таких дней был путь домой,

быстрым шагом, когда в сердце свивались заодно тоска и надежда на то, что сейчас, чудесно и необъяснимо, Ирина ждет его дома. Добежав до квартиры, Василий замирал, всерьез колеблясь, нажать ли кнопку звонка или открыть дверь ключами. Умом он понимал, что никто не откроет, но – а вдруг? – этот выбор все равно маячил перед ним. И пока ключ поворачивался в замке, он еще надеялся услышать шаги с кухни, или шмыганье носа, или бормотание. Хоть что-то. Но квартира неизменно оставалась тиха, и, только переступив порог, Василий вспоминал, что девочки все еще дожидаются его в школьной продленке. А жены нет.

С дочерьми отец почти не говорил. От природы немногословный, он не мог придумать, что сообщить об исчезновении их мамы. Тем более что они не спрашивали, и Василий подозревал, что Иринина мать уже как-то им все объяснила. Близняшки оставались у бабушки с дедушкой, сначала на ночь, на выходные, а потом все чаще на несколько дней, и одному, без девочек, Василию было легче. Он знал, что с тещей Лара и Лиля будут накормлены и одеты, а стишок по литературе и таблица умножения – выучены. В конце концов, ведь это именно она вырастила Ирину.

Не то чтобы Василий Велесов не любил дочерей, как раз наоборот. До их рождения он не мог и представить, что будет испытывать к кому-то такие чувства. Эти девочки были для него как инопланетянки, красивые и непонятные. Он не знал, о чем они думают, чего хотят, и видел только их отличия от себя: другой пол, другой возраст, дымчато-серые глаза, доставшиеся им от матери, и розовые пяточки, и макушки, пахнущие мылом и голубями. Даже то, что внешне они были почти копиями друг друга, сбивало его с толку. Старшую Лилю от младшей Лары отделяли какие-то сорок минут… Василий любил дочерей, любил как нечто чуждое и недосягаемое, он трепетал и робел перед ними. Каждую секунду, проведенную вместе, Василий боялся сделать что-нибудь не так, допустить какую-нибудь оплошность, из-за чего они, например, откажутся есть ужин, или не захотят ложиться, или им не понравится сказка, которую он принес из библиотеки. А такое случалось постоянно. Лиля с оскорбленным видом вылавливала из супа кружочки морковки, Лару тошнило от молочной пенки, и обе отчаянно отказывались слушать перед сном его любимую книгу про Джека Восьмеркина.

Поэтому, когда мать Ирины, Александра Павловна, предложила ему отдать девочек им с тестем на воспитание, Василий долго молчал, а потом ответил, что подумает.

– Вась, только, пожалуйста, думай побыстрее. А то я тут на днях зашла в гимназию, знаешь, у нас под окнами. Их могут взять, там недобор в одном из классов с углубленным немецким.

– Вы все уже решили без меня? – вздохнул он. Без обиды, но с усталостью.

– Нет, просто зашла и спросила у них. Так, на всякий случай. Ты же сам прекрасно понимаешь, мне совсем не сложно за ними присматривать. Ты на работе, а мы с Евгением Петровичем уже на пенсии. Буду водить девочек на танцы, в музыкальную школу запишемся, на рисование. Это же девочки, их нужно развивать. Вкус, слух, чувство ритма. Эстетическое воспитание, одним словом!

Василий не переносил, когда Александра Павловна начинала говорить так. Она, конечно, хотела показать свое превосходство, и ей это удавалось, потому что он мгновенно начинал чувствовать себя полнейшим ничтожеством. Хотя раньше одной мимолетной улыбки жены хватало, чтобы сгладить это.

– Я подумаю, Александра Павловна. Я подумаю…

Он ответил так исключительно из гордости, не желая сдаваться прямо здесь и сейчас. Потому что уже знал, что ответит через неделю во время следующего визита. Он отдаст своих дочерей бабушке с дедушкой. Потому что не умеет с ними общаться, боится неправильно их воспитать – ну какой из него воспитатель для двух инопланетянок? Он просто испортит им жизнь. А еще они так похожи на Иринку, что каждый их взгляд и каждая улыбка вбивает гвоздь ему в сердце.

Ему и в голову не пришло поговорить с Ларой и Лилей об этом. Восемь лет – слишком мало, чтобы что-то решать, подумал он.

Вечером пятницы, как раз накануне нового посещения бабушки и дедушки, Лиля подошла к отцу, отскребавшему от сковороды горелые тефтели, и обняла его за колени. Василий даже не сразу понял, что такое сковало его ноги, и только через несколько мгновений посмотрел вниз. Он выключил воду, вытер руки и присел на корточки, сравнявшись ростом со старшей дочерью.

– Ты чего, Лилечка?

– А мама что, ушла навсегда?

– Я не знаю… – признался он и бросил затравленный взгляд на стол, за которым рисовала Лара. Казалось, она поглощена процессом, но Василий знал, что она внимательно вслушивается в их разговор.

– Она умерла? – продолжала допытываться Лиля.

– Я… Нет, что ты, она не умерла! – Василий испугался этого слова так сильно, что даже ладони стали липкими. Дочь, напротив, выглядела совершенно невозмутимой, даже отчужденной. Ее глаза смотрели строго, не мигая, и ему страшно было видеть это взрослое выражение на маленьком личике в форме сердечка. – Мама не умерла.

– У нас в классе есть мальчик, Илюша. У него вот мама умерла. Анна Сергеевна сказала, такое иногда бывает, и нам нужно относиться к нему с пониманием. Это значит – хорошо, и не обижать его. Правильно?

– Правильно.

– Но ты говоришь, наша мама не умерла. Значит, она от нас ушла?

– Нет, конечно, нет! Как она могла уйти от нас? Она ни за что бы вас не бросила, таких хороших девочек! – Василий взял Лилю на руки и уселся вместе с нею за стол, к Ларе, чтобы обнять сразу обеих. – Просто мама… у нее есть дела. Она когда-нибудь сделает их и вернется.

– Ты не знаешь.

Это произнесла уже Лара, и голос у нее был холодный.

– Что?

– Ты этого не знаешь, – повторила Лара, не поднимая глаз от рисунка. – Она может никогда не вернуться. Зачем ты нам врешь?

– Я… – отец растерялся совсем. – Ларик, девочки… я не знаю, где мама и вернется ли когда-нибудь.

Лиля и Лара переглянулись. Отец чувствовал, что сейчас они молча спорят друг с другом, одними глазами, но от этого еще более яростно. Лиля словно умоляла сестру о чем-то, а та не уступала. Наконец разговор прорвался во внешний мир. Лара положила кисточку, запачканную синей гуашью, нарочно прямо на скатерть. И обернулась к отцу:

– Ты тоже уйдешь теперь? Я знаю, что уйдешь! Ну и уходи! Давай, бросай нас! Убирайся! Мы и сами справимся.

Лара спрыгнула со стула, опрокинув стакан с грязной водой, и выскочила вон. Василий закрыл руками лицо. Плакать он не мог, глаза сухо жгло, будто в глазницы сунули по горящей головешке. «Мы и сами справимся», – все еще звенело в ушах. В этом все его девочки. Всегда вместе. Они даже умеют говорить друг с другом молча, они чувствуют друг друга на расстоянии. Когда одну кусал комар, вторая расчесывала кожу в том же самом месте. Что бы с ним ни произошло, эти двое друг друга не бросят ни за что на свете. По крайней мере, если отец их не предаст. Предательство. Он действительно собирался предать своих дочек, смалодушничать, закрыться и откреститься от всего, что произошло. Как будто он никогда не был знаком с Ириной, как будто она не родила ему детей.

И он вдруг осознал, что Ирины больше нет. Она никогда не вернется. И именно сейчас он стоит на развилке и можно выбирать одну из двух дорог: остаться одному, забыв о пропавшей жене и вычеркнув девочек из своей судьбы. Но то, что им будет лучше с бабушкой, – враки. Трусость, которую он и так позволял себе слишком часто в последние месяцы. Теперь от стыда ему внезапно захотелось выключить на кухне свет. Но вместо этого он отнял ладони от лица. Лиля, бросившаяся было в комнату за сестрой, вернулась и стояла теперь в дверном проеме, она просто смотрела. Терпеливо и покорно дожидаясь, пока весы внутри ее отца качнутся в одну или другую сторону.

Василий медленно промокнул тряпкой грязную лужицу гуашевой воды, покрутил кисточку с синей краской. Потом подошел к старшей дочке и взял ее за руку.

– Так. Пойдем-ка мириться с твоей сестрой. Она неправа. Мама нас не бросала, она очень-очень нас любит, просто у нее появились важные заботы, понимаешь? Она же королева, а у королев иногда бывают дела совершенно неотложные, государственной важности. А я никуда от вас не уйду и ни за что не брошу. Вообще-то, если говорить правду…

– Мы всегда говорим правду! – вклинилась Лиля и прильнула к нему. Он опустил ладонь на ее белокурую головку:

– Вы у меня единственные… Не забывай этого, и сделай так, чтобы Лара тоже помнила, хорошо? А я буду очень стараться быть… для вас… я постараюсь.

И не зная, как вслух произнести все остальное, он замолчал. Лиля сощурилась, обдумывая услышанное, потом довольно кивнула и уверенно повела папу к Ларе, мириться.

Конечно, в то время ни Лиля, ни Лара не догадывались о борьбе, свершившейся в душе их отца. А Василий не представлял, что именно ему предстоит: вырастить двух девочек-близнецов. Навряд ли воспитать – дай бог познакомиться с обеими…

Утром, заходя разбудить дочерей, Василий замирал, вглядываясь в их лица. Спящие на одной кровати, они были совсем идентичны, как будто клонированные: прилипшие к вискам колечки волос, выпростанные из-под одеяла длинные руки и ноги, высокие скулы и острые подбородки с капризными ямочками посередине. В этот миг перед пробуждением даже отец не мог с точностью определить, кто из них кто. Но вот он произносил «Девочки, пора вставать», и от этих слов, словно от магического заклинания, все изменялось. Вместе с пробуждением тел пробуждались их характеры. Просыпались его дочери, такие похожие и такие разные.

– Угу… – одна из девочек тут же садилась на кровати и спускала ноги на пол. Глаза ее оставались закрытыми, как у лунатика, но Василий уже знал, что она скоро окончательно проснется и что это Лара. Сейчас она пойдет в ванную, так и не открыв глаза, двигаясь наощупь и по памяти, а через десять минут выйдет умытая, одетая, но хмурая. Ее нельзя тормошить, нельзя ни о чем спрашивать – утром она не в духе и изменится только после завтрака.

Лиля, наоборот, при звуке отцовского голоса натягивала одеяло на голову и протестующее попискивала. Пока сестра чистила зубы, она пыталась доспать сладкие минутки, игнорируя папины просьбы вставать. Лиля всегда выжидала до последнего. Наконец из вороха подушек и покрывал появлялась ее рука, которая дотягивалась до кресла, нащупывала разложенные там с вечера колготки, и снова исчезала, уже вместе с колготками. В кровати начиналось шевеление, сопение и кряхтение. Одеяло вздымалось, как волны на море, и в итоге сползало на пол, и оставшаяся без укрытия Лиля, в майке и уже в колготках, зябко поводила плечиками и улыбалась. Папа улыбался ей в ответ и шел на кухню. Только несколько лет спустя он узнал истинное значение Лилиного ритуала: оказывается, по утрам она мерзла, и колготки натягивала под одеялом, чтобы не терять драгоценное, наполненное крупицами сна тепло.

На кухню они приходили совсем непохожими. Проснувшаяся мимика успевала наложить на лица разное выражение, наивно-нежное у Лили, лукавое у Лары. За завтраком Лиля непременно рассказывала свой сон, мечтательно жмурилась, по-кошачьи зевала, и ее глаза с поволокой все еще смотрели в минувшие грезы, а не в грядущий день. Лара сначала молчала, все еще приходя в себя, и, только допив какао, начинала посмеиваться своим мыслям и загадочно, словно знает большущий секрет, поглядывать то на отца, то на сестру, что-то прикидывая и примеривая. Иногда она прикусывала нижнюю губу, стараясь удержать при себе что-то рвущееся наружу. Василий готов был дать руку на отсечение, что именно после завтрака в ее голове выстраивается план шалостей на сегодня.

Очевидно, по пути в школу Лара делилась задумками с сестрой, потому что редко когда они возвращались домой без записи красными чернилами в дневнике. Девочки были смышленые, так что замечания всегда касались не успеваемости, а только поведения:

«Сорвали урок математики хрюканьем».

«Мыли пол шарфом завуча!»

«На уроке рисования поймали мышь и дрессировали животное».

«Лара выпала в окно на большой перемене и утащила за собой сестру! Примите меры!»

Поначалу после каждого такого замечания Василий ходил в школу и долго беседовал с классной руководительницей. Та жалела девочек, оставшихся без матери, жалела самого Василия и пыталась, по ее собственному выражению, «войти в положение». Но шло время, а проказы становились все отчаяннее. И папа стал заглядывать только на родительские собрания, а под замечаниями просто ставил свою подпись, мол, ознакомился. Он действительно выяснял у дочек, что они натворили, и те без стеснения расписывали свои похождения. И раз у него не находилось сил и желания их ругать, у Лили и Лары не находилось поводов особенно скрытничать.

На родительских собраниях Василию приходилось держать оборону. Он не собирался давать в обиду своих дочерей. Пока остальные родители, красные до самой макушки, лепетали и нервничали, очевидно вспоминая еще и свои бесславные школьные годы, он был непреклонен:

– Анна Сергеевна… Я все понимаю, вам с ними сложно. Но я отец, а вы учительница. У девочек есть я, у меня есть только мои девочки. А школа… Знаете, сколько в нашей стране школ и учителей? Пединституты работают бесперебойно, так что… То-то и оно…

Анна Сергеевна пучила глаза, хватала ртом воздух… и переходила к следующему вопросу на повестке дня. Зато матери одноклассников, особенно мамы-одиночки, поправляли прически и поглядывали на Велесова с затаенной тоской, явно испытывая нежность к его смелости и к нему самому. Одна из них как-то раз попыталась строить ему глазки, но ничего не вышло. Василий просто не понял, что с ним флиртуют, – или сделал вид.

Вопреки всеобщим опасениям, Велесов на удивление хорошо справлялся. Даже научился печь печенье в форме орешков с начинкой из вареной сгущенки и скатывать трубочкой вафли к школьным чаепитиям. Советов тещи он почти не слушал, в спорах с учительницей неизменно принимал сторону девочек. За первый год после исчезновения Иры между ним и дочерьми установилось полное взаимопонимание. Этот коренастый невозмутимый мужчина мало говорил и много наблюдал, словно учился общаться с Лилей и Ларой у них самих. Лиле нравилось быть красивой – и он наловчился заплетать ей косы с яркими лентами. Ларе хотелось веселья и приключений – и он мастерил ей костюм пиратки. Он знал, как сильно дочек раздражают разговоры окружающих об их внешней схожести, и старался дать каждой возможность самой решать, что есть, во что играть и какие вещи носить. Когда на их день рождения (девочкам исполнилось

девять) бабушка и дедушка подарили им по желтому платью, он сразу заметил восторг в глазах Лили и смятение Лары.

Александра Павловна принялась уговаривать внучек примерить обновку.

– Давайте-давайте, поскорей, сейчас ваши одноклассники в гости придут, а вы их встретите такие нарядные…

«Такие одинаковые», – чуть не добавил от себя Василий. Он отвел страдающую молча Лару в сторонку.

– Послушай, Ларик… Если ты не хочешь надевать это платье, не надо, ладно? С бабушкой я поговорю. Не бойся, она на тебя не обидится.

– Правда? – с явным облегчением встрепенулась девочка. – Ура-ура!

Она чмокнула отца в щеку и улизнула в комнату шушукаться с сестрой. А Василий отправился на кухню, где Александра Павловна щедро сдабривала майонезом праздничные салаты.

– Ну что, помог Ларе с платьем? Там сзади надо застегнуть крючки… – Теща уже вытирала руки полотенцем, явно собираясь наведаться в детскую.

– Александра Павловна… Дело в том, что Ларе не нравятся платья.

– Как так? Она же девочка!

– Не все девочки любят ходить как принцессы. Лиля любит, а Лара не очень.

Женщина поджала и без того узкие, в ниточку, губы.

– Между прочим, я стараюсь выбирать им лучшее. Ну вот сам посуди – если бы мы с Евгением Петровичем подарили одной из них платье, а другой еще что-нибудь… они бы ведь поссорились! Нельзя вносить в их детские головы даже саму мысль о соперничестве! О зависти… Я удивляюсь, как ты этого не понимаешь!

Василий удивлялся как раз тому, как не понимают другие. Не понимают того, что давать поровну – не значит давать одинаковое. Только став взрослой, Лара смогла оценить папину мудрость.

Но даже он, самый близкий и родной, оказывался за пределами заколдованного круга, объединявшего Лилю и Лару.

Девочки поздно научились говорить. С самого рождения проводя все время вместе, они не испытывали особого желания посвящать в свою жизнь посторонних. Между собой Лиля и Лара общались на каком-то странном языке, и когда Ирина наконец заметила это, то ужасно перепугалась. Ее дочери общались жестами, звуками и отрывочными слогами и даже умудрялись шутить – по крайней мере, Лиля то и дело хихикала, услышав какое-нибудь курлыканье Лары. Ни на один из человеческих языков все это было не похоже, скорее напоминая разговоры по-марсиански. Обеспокоенная Ирина посвятила в опасения свою мать, и тут же начались походы по врачам и логопедам. Но все это было без толку: взрослую речь сестры, кажется, понимали прекрасно, а вот выудить в ответ хоть слово на нормальном языке ни у кого не получалось. Они просто улыбались, переглядывались, искренне забавляясь попытками родителей и озадаченных людей в халатах, и помалкивали.

Отыскались и специалисты, утверждавшие, что близняшки Велесовы не одни такие и свой собственный язык встречается у близнецов сплошь и рядом. Бабушка Саша паниковала и требовала, чтобы девочек «сделали нормальными», Ирина просто тревожилась, Василий вообще не видел в этом ничего такого. Впрочем, тогда жизнь его дочерей касалась его весьма косвенно.

А потом все незаметно сошло на нет. Когда девочек отправили в детский сад, оказалось, что взрослый язык обе знают довольно сносно. Родители не запомнили, в какой именно день детский лепет их близняшек ушел в прошлое. Зато запомнили сами сестры.

Все произошло после обеда, в сончас, когда воспитательница, уложив группу спать, прошла между рядами двухъярусных кроватей и скрылась в комнате отдыха. Лиля тут же забралась по лесенке на верхний ярус и юркнула под одеяло к сестре. Там, в уютной теплой полутьме, они стали решать, сколько времени отсидеться здесь, прежде чем осуществить задуманное. Как следует рассматривали узор на простыне, который напоминал ходы в муравейнике. Лиля водила пальцем по изгибам рисунка, пока не почувствовала, что заблудилась.

Как обычно, на выручку пришла сестра и помогла ей выпутаться из узора – Ларе он казался волшебным лесом, в который Лилю нельзя пускать одну.

Наконец Лара высунула голову наружу и прислушалась. Из комнаты отдыха доносились звуки работающего телевизора, а от соседних кроватей текла сонная тишина. Девочка решительно откинула одеяло и дала знак Лиле спускаться. Та вытащила из-под подушки сокровище – припрятанные с обеда абрикосовые косточки. Технология была проста: выловить из компота разваренный урюк, съесть мякоть, а облизанные косточки оставить на сончас. Теперь оставалось только приподнять кровать, положить одну из косточек под ножку и отпустить кровать на место. Иногда, правда, этого было недостаточно, и приходилось еще и прыгнуть сверху. Если повезет, оболочка косточки расколется, а вкусное ядрышко останется целым. Если повезет чуть меньше, косточка превратится в кляксу из осколков скорлупы и маслянисто-ореховой мякоти, но и это можно будет съесть не без удовольствия. Кое-кто из мальчишек предпочитал колоть абрикосовые косточки в дверном косяке, но после того, как однажды Лара дверью прищемила себе пальцы до синих ногтей, ее любовь к такому методу угасла.

Они с сестрой уже удачно раскололи несколько штук и обсудили это на своем птичьем языке. Торопыга Лара предлагала попробовать колоть косточки, подкладывая их сразу под две ножки кровати, а Лиля утверждала, что лучше не торопиться, чтобы потом не пришлось есть лакомство вперемешку с крошками песка с пола и кусочками скорлупы. Так-то оно так, упрямилась Лара, но вдруг зайдет воспитательница? Или кто-нибудь проснется, чего доброго, и тогда придется делиться…

– Эй, – прервал их птичьи разговоры тоненький голосок. С соседней кровати свесилась Даша Копылова, любимица воспитателей и мальчиков. Ее черные смоляные косы скользнули вниз с деревянного бортика.

– Вы что, правда отсталые? Моя мама думает, что вы отсталые, потому что не умеете разговаривать, как мы. Наверное, вы прикидываетесь! Вот что она тебе сказала сейчас?

Вопрос был обращен к Лиле, и та заметно смутилась и промолчала. Но Лара и ухом не повела, только коротко велела сестре не обращать внимания и заняться делом. Даша, так и не получив внятного ответа, спрыгнула вниз и прикрыла рот ладошкой. Но говорила по-прежнему громко:

– Значит, правда! Вы отсталые, отсталые! Вы не понимаете, что я говорю?

Вокруг стали шевелиться одеяла, подушки, со всех сторон на Лару и Лилю смотрели любопытные глаза. Даша, почувствовав молчаливое одобрение большинства, захлебывалась от восторга:

– А я всем расскажу, что вы не понимаете. Они не понимают! Я же говорила! Они как обезьянки. Я в зоопарке видела! Они тоже так общаются друг с другом. Вот смешно!

И она радостно засмеялась. Кое-кто из ребят тоже хихикнул. Лара и Лиля, забыв про косточки, стояли рядом со своей кроватью. Лиля покраснела и опустила вниз глаза, а Лара смотрела прямо на обидчицу, спокойно и даже слегка задумчиво.

– Обезьянки тоже едят с пола! Я кинула им вареное яичко, и они подрались, – рассказывала Даша одному из мальчишек. – Эй, вы, дать вам яичко? Я завтра принесу. Ам-ням-ням, вкусно!

И она улыбнулась уже совершенно издевательски.

Лара вытащила из-под ножек кровати оставшиеся косточки и аккуратно ссыпала их в карман. Потом положила руку на плечико Лили и тихо, непонятно для остальных бормотнула, чтобы та не вешала нос. И только после этого подошла к Даше.

– Все мы понимаем, – отчетливо произнесла Лара. – А ты дура.

И безо всяких дальнейших объяснений вцепилась той в волосы. Даша закричала, стала отбиваться руками, но Лара оказалась ловчее и черные косы не выпускала. Любое новое движение причиняло Даше еще больше боли, и вскоре она перестала дергаться, только ревела в голос, и по ее щекам горохом катились неправдоподобно крупные слезы.

На крики прибежала воспитательница, поднялся шум и гам, и теперь спальня детского сада действительно напоминала зоопарк. Подравшихся с горем пополам оттащили друг от друга, и Лару с Лилей в наказание отправили в изгнание в закуток перед туалетами. Они выполнили приказ встать по углам и

не разговаривать лишь формально. Слушая, как из игровой долетают звуки считалочки, девочки нисколько не сожалели о своем положении. Вполголоса Лиля уверяла Лару, что та отлично наподдала этой противной Дашке. Давно, мол, было пора. Лара и сама знала, что была на высоте. Наказанные близняшки стояли лицом в угол и жевали поделенные на двоих абрикосовые ядрышки. Они были горьковатые, с привкусом миндаля и пыли.

С того дня Лара и Лиля, не сговариваясь, перестали пользоваться своим родным языком при чужих. Чужими для них оказались все остальные.

Глава 2. Муж. Враг

Лара оставила машину у ворот и быстро, чтобы не растратить силы на болезненные воспоминания, прошла к крыльцу. За дробным, витиеватым остеклением веранды, за ее белыми резными переплетами угадывалось чье-то быстрое мелькание. Девушке даже не надо было присматриваться, она тут же узнала Риту, жену отца. Не мачеху – это было бы слишком. Просто жену отца. Рита вышла замуж за папу восемь лет назад, когда близняшкам исполнилось по двадцать одному году, и этого возраста было вполне достаточно, чтобы воспринимать ее на равных.

Когда в жизни Василия Велесова появилась женщина, дочери не сразу приняли ее. Одно дело сидеть с папой в обнимку на диване и убеждать его, что он еще привлекательный мужчина, достойный житейского счастья. Слушать его заверения в том, что ему никто не нужен, кроме его принцесс, и хохотать в ответ, и намекать, что жена – это не то, что две дочки, есть же разница! И совсем другое дело – видеть рядом с ним живую женщину из плоти и крови, в кофточке с леопардовым принтом, с громким голосом и пружинистыми кудряшками, выкрашенными в медно-рыжий, почти красный. На это потребовались годы.

– А кто это тут у нас? – Рита, распахнув перед Ларой двери, повисла у нее на шее. Противиться ее настырной радости девушка не могла. – Совсем запропастилась, Ларочка, ну разве так можно?

В ее голубых, ярко подведенных глазах Лара прочитала то, о чем на самом деле твердила ей Рита: отец грустит, Рита переживает за него, но ничем не может помочь. А Лара не навещала их с самых сороковин Лили, и это плохо, плохо для всех.

– Работала, знаешь, столько всего… – даже не стремясь убедить ее или себя в правдивости очевидной лжи, состроила Лара гримаску.

В доме было тихо, от стен пахло теплой древесиной, от окна – солнцем и свежестью сада и влажной земли. В темной прихожей, ища глазами крючок, на который можно повесить кожаный пиджак, Лара заметила в зеркале отражение и на мгновение замешкалась. В последнее время смотреть на себя ей было неприятно, это слишком напоминало о сестре. Расчесываться она наловчилась на ощупь, редко, иногда даже пальцами, а не щеткой, и косметика давно пылилась на полке, никому не нужная. Так что утром, собираясь на папин день рождения, Лара просто не глядя поплескала в лицо воды, собрала каштановые волосы в хвост, поменяла майку на точно такую же, но пока еще белую, и натянула джинсы, даже не заметив, что они стали ей велики. Сейчас она задержалась у зеркала, оглядывая ставшие почти незнакомыми черты. Бескровные губы, посеревшая от долгого скорбного затворничества кожа и темные впалые глазницы, из глубины которых смотрел кто-то другой.

Отшатнувшись, Лара кинула пиджак на банкетку и быстро прошла в комнату. Отец устроился в кресле и, кажется, дремал, положив сложенную втрое газету на колени. Лара подошла ближе, стараясь не замечать, как посветлела, посеребрилась отцовская шевелюра со дня их прошлой встречи. Он проснулся от звука ее шагов.

– Привет, пап…

Василий отложил газету и порывисто встал ей навстречу. Они обнялись и замерли, и Лара ощутила и колючую щеку его, и сухое тепло, пахнущее одеколоном, и мирную дрему, которая всегда охватывала ее в отцовских объятиях.

– Ларик, приехала все-таки…

– Конечно, приехала. Прости, что раньше не выбралась.

Внутри щипало и дергало как нарыв чувство вины. Теперь, именно приехав на дачу, Лара с ясностью вдруг увидела череду дней, протянувшихся с сороковин по Лиле, – с папиной стороны. Одна дочь мертва, а вторая почти исчезла, редкие телефонные разговоры не в счет, они как в тумане. И тем хуже, что в глазах Василия не было укора, который Лара заметила у его жены. Он просто и смиренно тосковал, и от этого стало совсем уж невыносимо. Лара отстранилась и улыбнулась так широко, как могла, до ломоты в щеках:

– С днем рождения, папуля. Я привезла подарок! Подожди, сейчас принесу.

И пока Лара нарочито шуршала оберточной бумагой, заскочившая с веранды Рита стала искать вазы для охапки нарциссов и тюльпанов и расставляла по тумбочкам кучерявые, дурманно пахнущие гиацинты. Женщина рассказывала о чем-то занятном и незначительном, и Лара была благодарна ей за то, что эта трескучая болтовня немного рассеивает тягостное уныние, темным дымом стелющееся по дому.

Переместившись на веранду, все трое сели пить чай. Рите на удивление впору пришлась роль хозяйки дачи. Она, вообще-то медсестра, словно была рождена, чтобы печь здесь кружевные блины, заваривать чай со смородиновым листом и раскладывать по крохотным стеклянным розеткам мед и варенье из крыжовника, малины и – свое фирменное – из райских яблочек с грецким орехом, со смешным уютным названием «щечки».

При Рите, такой шебутной, похожей на глоток шипучей минералки, лгать было куда проще. Лара сидела и почти вдохновенно рассказывала о том, что делала на прошлой неделе: две студийных фотосессии, а одна на натуре, для календаря. И договоренность с издательским домом на оформление буклетов к фестивалю. Но на периферии внутреннего Лариного взора маячила правда: захламленная однушка, батарея пивных бутылок под столом, так и не помытое по весне окно, ворох коробок из-под корейской лапши и засохшие чайные пятна, делавшие скатерть похожей на карту затерянных земель. Все время, прошедшее со смерти Лили, она провела в анабиозе, только изредка спускаясь в магазинчик у подъезда, где продавщицы смотрели неодобрительно и осуждающе, и, уже не спрашивая, выставляли на прилавок пиво и лапшу быстрого приготовления. Если бы не дата папиного дня рождения, забитая в подсознание, как сигнал в будильник, Лара бы и сегодня с трудом разлепила глаза, причесалась пятерней и весь день изучала бы рисунок трещин и потеков на старом потолке. Бывали

дни, когда она скучала по фотокамере или выстраивала на потолке кадр и смутно желала его запечатлеть, но одна мысль о том, что для этого надо встать с кровати, навевала сон. И Лара сдавалась. Во сне она забывала о том, как сильно ненавидит себя наяву. С каждым осознанно прожитым часом она становилась все старше своей старшей сестры, и это ощущение затапливало Лару черной ненавистью к себе. И тогда глаза сами собой упирались в белый пузырек со снотворным на тумбочке, купленный ею не для того, чтобы спать… Хорошо, что отец не видел всего этого.

Внутри шевельнулось беспокойство. Отец и не должен этого увидеть. Если Лара все-таки решит сделать то, о чем так часто думает, если пузырьку суждено опустеть, нужно будет перед этим навести в квартире чистоту. Чтобы не позорить никого, когда ее тело обнаружат, она ведь не какая-то опустившаяся пьянчужка. Она прежде всего его дочь – и Лилина сестра. Это обязывает.

Василий пил чай. У него до сих пор осталась эта манера, так веселившая Лару в детстве: отхлебывая из чашки, непроизвольно приподнимать брови. И Лара грустно улыбнулась, на полуслове забыв свою стройную ложь. Ей было жалко папу, и жалко себя, и больно за то, что все прожитое и пройденное, выдержанное ими с таким упорством и терпением, на самом деле ничего не значило. Ради чего было расти, учиться, влюбляться, морочить голову себе и другим, узнавать мир, – если все кончается так скоропостижно и так нелепо?

Видимо, отчаяние отразилось в ее лице, потому что Василий тут же нахмурился и стал вглядываться в дочь настороженно, как будто в поисках симптомов скрытой болезни. Лара отвела глаза и торопливо поднесла чашку к губам.

И тут вдруг от ворот раздался звонкий гудок. Рита встрепенулась:

– О-о! Кто там! – и выскочила на улицу. А Лара вытянула шею, стараясь рассмотреть машину с веранды. Узнав мужчину, заглядывавшего через калитку, она побледнела и в негодовании вскочила из-за стола:

– А он что тут делает? Нет-нет-нет, так не пойдет!

– Ларик…

– Нет, папа, нет! Что ему здесь делать? – кусала губы Лара. На щеках у нее лихорадочными пятнами вспыхнул румянец гнева. Василий тоже встал:

– Лара, прекрати. Я не знаю, что происходит, что ты себе там думаешь… Но Егор – муж Лили, и, пока я жив, двери моего дома будут для него открыты!

Лара скрестила руки на груди, всем своим видом выказывая несогласие с отцовской волей. Пусть со стороны ее поведение и кажется дурным сумасбродством, но она не видит никакого смысла лицемерить и улыбаться Егору. Только не ему.

А ведь когда-то она думала иначе.

Он зашел на веранду вслед за Ритой и сердечно обнялся с Василием. Лара, опершись бедром о подоконник, искоса оглядывала Егора. Рослый, с прямой спиной, он казался даже выше, чем Лара его помнила. Недавно постриженные волнистые волосы, гладко выбритый подбородок с улыбчивыми губами, зеленовато-карие глаза, глядящие прямо и уверенно, дорогой кашемировый джемпер, накинутый на плечи и небрежно связанный на груди рукавами. И это вдовец ее сестры! Ларе так нестерпимо захотелось съездить Егору Арефьеву по физиономии, что она даже испугалась: не сдержится. Стиснула руки в кулаки и отвернулась к окну, по которому с той стороны скребла яблоневая ветвь.

– Привет, Лара, – донеслось до нее. Девушка обожгла Егора взглядом через плечо и весомо промолчала. Маховик времени закрутился, и всех присутствующих словно отшвырнуло на два месяца назад.

В тот скандал.

Тогда они собрались решить, как поступать с похоронами. Сначала Лара вообще не могла понять, зачем собираться вместе, зачем говорить слова, шевелить языком, двигаться, даже дышать. Ее тело налилось свинцом, и она застыла на стуле у плиты. Однажды в детстве Лиля потянула связку голеностопа, и у Лары тоже разболелась нога, – теперь правильнее всего было заледенеть так же, как заледенело в холодильнике морга Лилино тело.

Лара очнулась, когда где-то вдалеке ее сознания зазвучали голоса родных, спорящие насчет кладбища.

– Никакого кладбища. Нужно кремировать, – с трудом проговорила она.

Рита всплеснула руками и переглянулась с Александрой Павловной. Кажется, они впервые с момента знакомства были солидарны друг с другом.

– Ларочка, как же так! Сжечь… Не по-христиански, Лара, что ты…

– Она не будет лежать в земле. Я не отдам ее на съедение червям, – проговорила девушка и приложила похолодевшие ладони к горлу. Василий накинул ей на плечи шерстяной платок с кистями. Платок был Лилин, и запах от него истекал – Лилин, и это подействовало на Ларину боль как наркоз.

– Надо все сделать по-людски, достойно. Похороны, поминки… – Александра Павловна пальцем, обернутым в салфетку, вытирала непрерывно набегающие слезы. Лара посмотрела на нее, как будто видит впервые:

– Бабушка. О каком достоинстве ты говоришь? Нет в смерти ничего достойного, ничего! Ты забыла, как она умерла? Она подавилась куском хлеба! И никого не было рядом, чтобы ей помочь. Никого. Просто кусок хлеба в горле – вот как умерла моя Лиля. А ты заботишься о том, что скажут другие люди? О достоинстве?

Отец попытался приобнять Лару, но она высвободилась, нервно дернувшись:

– Я знаю, что она не хочет всего этого. Похорон, поминок, веночков. У меня волосы дыбом встают от этого! И у нее тоже, – заговорила девушка с жаром. – Это же ужасно, вы что, не понимаете? Это ведь моя Лиля, ее нельзя так, с нею нельзя так!

– Уже же и место есть, на кладбище-то, рядом с Евгением Петровичем… – не сдавалась бабушка, насупливаясь.

– Не нужно никакого места!

– Так, а что же тогда, в колумбарий? – подал голос растерявшийся отец. Лара взглянула на него ошеломленно, полубезумно.

– Ко-лум-ба-рий… Мерзкое слово. При чем здесь Колумб? Или это от «клумбы»? Клумба для мертвых, так, что ли? Не надо, – со страшной улыбкой погрозила она пальцем. – Не надо этой гадости, пожалуйста. Ну зачем же вы прикидываетесь, вы что? Люди! Я развею ее прах где-нибудь. Она будет свободна. Она не будет лежать замурованной. Ни в стене, ни в могиле. Господи, неужели это еще и вслух надо говорить!

Лара, совершенно обессилевшая, откинулась на спинку стула, и ее руки повисли безжизненными плетьми.

– Как же так… А куда же приходить, памятник, цветочки… – начала было Рита, но Василий покачал головой, и она замолчала. Василий повернулся к зятю, все это время простоявшему в дверном проеме, прислоняясь плечом к косяку:

– Егор, решай…

– Да кажется, это не мне решать, а Ларе, – чуть заметно вздохнул Арефьев и машинально взъерошил волосы рукой. И тут, совершенно без видимого повода, Лара взорвалась:

– Вот именно, мне это решать, мне! Не тебе. Не смотрите на него! Как вы можете?! И ты сам, как ты можешь? Как ты вообще можешь тут сидеть! Тебе не стыдно?

– Не понял, – сморгнул Егор.

– Ты же всего лишь голубоватый, просто грустный! Не синий, не черный от горя. Чуть-чуть синевой отливаешь! – взвыла Лара. – Если так, то ты не имеешь права! Я не позволю тебе распоряжаться ее телом. Это ее тело, ее. Это же Ли, моя Лиля!

И Лара затряслась всем телом, как собачонка на морозе. И все повторяла:

– Это Лиля, это моя Ли. Моя Лиля… Лилечка….

У нее началась истерика. Через десять минут, так и не сумев успокоить девушку, Рита поставила ей укол седативного. Лара не знала, что после того, как она

провалилась в сон, окончательное решение все-таки принял Егор:

– Если Лара говорит, что надо кремировать, значит, так и надо поступить. Она знает лучше всего.

Василий согласился, Рита и бабушка Саша дали понять, что не в восторге от этой идеи, но перечить не стали. О странных словах Лары про «синеву» Егора никто ничего не сказал, и так было ясно, что девушка не в себе.

В день кремации она вообще онемела, не произнесла ни слова, даже не отвечая на соболезнования многочисленных знакомых. Многие плакали, Егор стоял стиснув зубы, так что на щеках проступили желваки, бабушка Саша то и дело начинала вполголоса причитать, Василий тяжело опирался на руку Риты. А Лара только смотрела на гроб своими подернутыми красной мутью, выжженными глазами. И знакомые перешептывались, с благоговейным ужасом и любопытством сравнивая два лица – ее и Лилино. Они были одинаково мертвы.

Теперь, два месяца спустя, когда Лара, как всем казалось, начала приходить в себя и оправляться от утраты, никто не ожидал, что ее враждебность к Егору продолжится. При жизни Лили, все шесть лет ее замужества Лара относилась к Егору дружелюбно и мягко. Иногда они путешествовали вместе, иногда встречали Новый год – и отлично ладили. И не было никакой видимой причины для такой разительной перемены.

Сейчас, пока Рита хлопотала у стола и усаживала Егора, Лара продолжала, отвернувшись, смотреть на скребущую по стеклу ветку. В этом было что-то тоскливое, просящее, как в протянувшейся за милостыней руке, и Ларе хотелось стиснуть в ответ эту руку, дать ей что-то, чего и у нее самой-то не было. Мягкий ровный голос Егора раздражал ее больше, чем Ритина трескотня, и, когда через пару минут терпению пришел конец, пришлось сбежать на улицу, чтобы снова не устраивать сцен.

От крыльца в сад вела дорожка, вдоль которой ярким ультрамарином цвели крохотные мускари. Или мышиные гиацинты – это название всегда нравилось сестрам больше. Было в нем что-то милое и таинственное, как будто эти цветы и правда растут для мышек, или для гномов и фей, что наверняка хозяйничают в саду по ночам, седлают соловьев и запрягают ночных мотыльков по шестерке в колесницу. Лара улыбнулась, вспоминая все легенды, и сказки, и страшилки, что

она рассказывала сестре. Выдумщицей ведь была именно Лара. Большую часть того, что носило гордое название «легенды», она сочиняла на ходу, летом на чердаке, где всю ночь донимали комары, а с рассветом становилось душно от жестяной крыши, или за баней, под полом которой жил то ли банник, то ли овинник, то ли кикимора – сейчас Лара уже точно не помнила.

Лиля всегда слушала с восторгом. В детстве придуманные Ларой легенды и сказания, в юности – ее вольные пересказы книг из школьной программы. Пересказы были настолько вольные и цветистые, что до семнадцати лет Лиля была полностью уверена: гоголевская история о заколдованном месте произошла не иначе как в их дачном товариществе несколько лет назад, ведь Лара убедила ее в этом. Да и при словах «хутор близ Диканьки» в голове первым рождался образ темного чердака, загадочно поблескивающих глаз Лары и июльских звезд, видных через распахнутое слуховое окошко, – и только потом вспоминался писатель с темной гладкостью волос и усами, лицо с портрета в кабинете литературы.

Где-то здесь, в саду, на веранде или на чердаке, родилась и страсть обеих сестер к путешествиям. Новые места означали для них новые легенды, не важно, были ли они совсем неправдоподобные или вполне себе исторические, был ли это пражский Голем или запертые в резных теремах нелюбимые царицы. Перед каждой новой поездкой Лара читала в путеводителях вставки в рамочках мелким шрифтом, начинавшиеся обычно словами «легенда гласит», и переиначивала, дополняла, фантазировала, чтобы потом, оказавшись в описываемом месте, увлечь сестру вместе с собой в другой мир. Так было все студенческие годы, когда зимой сестры строили планы, копили деньги, перебиваясь случайным приработком, чтобы в июне, после экзаменов, вывалив деньги на покрывало, пересчитать их и прикинуть, куда хватит на этот раз. Европа чаще всего оказывалась неподъемно дорогой, но и в пределах государственных границ мест, заманивающих своими секретами, оказывалось предостаточно.

После окончания мединститута все изменилось. Лара поняла, что выбранная профессия ей не подходит, и с облегчением распрощалась с белым халатом, предпочтя ему фотоаппарат. Лиля, напротив, погрузилась в научную работу, конференции, съезды, лабораторные опыты и присутственные дни в больнице. А потом и вовсе вышла замуж за Егора. Иногда им удавалось выбраться куда-нибудь, теперь уже втроем, но с каждым годом графики их совпадали все реже.

Лара обошла дом. Возвращаться через веранду, где продолжали общаться отец, Рита и Егор, ей не хотелось. В дальней комнате была приоткрыта форточка, и девушка без раздумий забралась на выступ фундамента и, просунув в форточку руку, нащупала оконный шпингалет. После зимы он открылся неохотно. Распахнув окно, она легко, по давней привычке, подтянулась на руках и забралась в комнату. Это была их с Лилей детская. Узкая, как пенал, отгороженная фанерой от родительской спальни после того, как девочки подросли, с единственной кроватью на двоих, что занимала большую часть пространства. Кровать была застелена покрывалом из разноцветных лоскутов старого атласа, – его, насколько помнили сестры, шила еще их мама. Лара присела на краешек, провела ладонью по прохладной атласной гладкости и огляделась. На тумбочке с Лилиной стороны лежала стопка книг, на Лариной стоял какой-то безвкусный, незнакомый ей вазон оттенка слоновой кости. Наверное, Рита притащила.

Книги привлекли девушку, она потянулась к ним так же неосознанно, как тянулась к книгам в любом месте, где бы ни встречала. На обложке первой, лежащей поверх остальных, была изображена физическая карта какого-то региона, по очертаниям до смешного напоминавшего голову зайца в синем ошейнике. Уши, нос – Лара не сразу поняла, что это такое. А потом на синем ошейнике обнаружила надпись: «о. Байкал», и, наконец, сообразила. Заяц оказался Иркутской областью, а ошейник его – знаменитым озером. Тут же вспомнилось: этим летом Лиля собиралась осуществить мечту и отправиться на Байкал. По давней привычке готовиться она начала загодя – это помогало ей коротать холодные месяцы, и Лара припомнила, как сестра хвасталась еще в ноябре, что купила книги по истории Сибири и путеводители по Байкалу. И вот теперь они лежали на тумбочке в детской, уже никому не нужные.

Лара с ногами забралась на кровать и принялась перелистывать страницы. Здесь был даже атлас автомобильных дорог с прочерченным цветными маркерами маршрутом через всю страну. Путеводитель был испещрен пометками от руки, в которых Лара с щемящим сердцем узнавала Лилин почерк, мелко-бисерный, убористый и понятный, так не похожий на обычный врачебный. Номера местных телефонов, названия придорожных гостиниц, адреса музеев в небольших городках, фразы наподобие «Обязательно надо попробовать!» или «Такой сувенир – лучше, чем магнитик на холодильник», – кажется, мысленно Лиля уже не раз и не два скаталась в Сибирь. Во всем этом, в каждой аккуратной закладке, в каждой галочке на полях, Лили было так много, что Лара почти увидела ее рядом с собой. Собранную, правильную, вдумчивую. Идеальную.

Лара считала сестру красивее себя. Лиля вся была как Одри Хепберн с тревожными серыми глазами, точеная и резная, как французская геральдическая лилия, под стать своему цветочному имени. Эти ее волосы, остриженные в каре и эффектно растрепанные на концах (их видимая небрежность была плодом получасовых стараний каждое утро, пусть даже ценой жестокого недосыпа), нечастая улыбка… Ухоженные руки медика с коротко остриженными ногтями, с нежным рисунком голубоватых венок на запястьях, неброские золотые сережки в мягких мочках ушей, две ямки-оспинки на левой щеке от ветрянки, перенесенной в детстве. То, как она слушала собеседника, склонив голову чуть набок, или разминала рукой затекшую шею, или сжимала пальцами тонкую переносицу, когда уставали глаза, – во всем этом она была красива. Лару это вполне устраивало и нисколько не уязвляло, ей и в голову не приходило соперничать в чем-то с Лилей, ведь это все равно, что пловчихе соревноваться с теннисисткой. Просто Лиля умница и красавица, а Лара выдумщица и пацанка – эти правила были установлены словно и не ими даже, а кем-то свыше, кто наказал Лиле быть старшей, а Ларе младшей, пусть и всего с сорокаминутной разницей. Мир был достаточно велик, чтобы его хватило им обеим без дележки. Поэтому в школе Лара делала за двоих упражнения по английскому и писала сочинения, а Лиля решала алгебраические примеры и уравнения валентности. Поэтому у Лары один за другим вспыхивали и гасли несерьезные романы, а Лиля вышла замуж сразу после ординатуры. Поэтому Лара не вылезала из маек и дизайнерских тертых джинсов с дырками, а Лиля облачалась в юбки-карандаши и джемпера с воротником-стойкой и рукавами чуть ниже локтя. Лиля любила планировать и все делать вовремя, невозможно было даже представить, чтобы она куда-то опаздывала. Вот и поездки она продумывала долго, со вкусом – то, на что Ларе ни за что не хватило бы терпения. Лара носилась, поднятая порывом странствий и перемен, по зову новых историй из новых земель.

Однако сейчас ее позвали не истории и не земли. Это был зов сестры. Лежа на кровати с атласным покрывалом, Лара прикрыла глаза и вспомнила ноябрьский глухой вечер и оживленное бормотание Лили на кухне за чашкой кофе:

– Кузнечик, ты только представь всю эту красоту. Огромное озеро, разлом вглубь планеты, заполненный кристальной водой. Река Ангара, Шаман-камень, сопки, ветра… Дикость – где ты такую дикость в европейской части найдешь? Это же нетронутый край, как… как Африка!

– Как Африка, только Сибирь, – согласилась Лара. – Но там же холодно?

– Там солнечных дней – как в Калифорнии!

– С ума сойти, Африка пополам с Калифорнией, и все у нас под боком, даже виза не нужна, – продолжала веселиться Лара. Лиля вздохнула:

– Ах вот ты как? Ну вот и не возьму тебя с собой!

– А я бы тебя взяла, – тут же отозвалась Лара и показала ей язык.

Вспышка, стоп-кадр. Воспоминание оказалось до того ярким, что во рту появился привкус кофе с горчинкой. Лара резко села на кровати, оглядываясь вокруг. И снова заметила незнакомый вазон на тумбочке. В нем было что-то некрасивое, противоестественное, отчего девушка стала присматриваться внимательнее – и никак не могла понять, что же в этом предмете ее настораживает. Ваза как ваза, только почему-то с крышкой. Стиль греческий, но видно, что новодел, да еще и дешевый. И появился этот вазон совсем недавно, уже после того, как Лиля…

И тут Лара похолодела, сердце ухнуло куда-то вниз, в вату. Она подсела чуть ближе, еще ближе, не сводя с вазона глаз, и наконец протянула руки и взяла его. От предмета шел холод, который был уже не просто холодом керамики.

Это была она.

Лара вскочила и, держа вазон в вытянутых руках, почти бегом бросилась в коридор, а из него на веранду и ворвалась туда на середине монолога Егора. Увидев Лару, мужчина замолчал и помрачнел, когда его взгляд опустился на вазон в ее руках.

– Папа… Это она? – вот и все, что спросила Лара. Василий медленно, через силу кивнул, и тогда девушка прижала вазон к груди и объявила:

– Нам пора.

Лара сделала шаг к двери, продолжая стискивать ладонями крутые бока керамического сосуда. Она никогда до этого не видела урны для человеческого праха – только в кино. После кремации Лара сразу же уехала домой и не спрашивала ни у отца, ни тем более у Егора, во что превратилось Лилино тело.

Она не знала, каких трудов и хитростей Арефьеву стоило забрать урну с прахом домой, ведь по правилам ее нужно было тут же похоронить на кладбище или поместить в колумбарий. Она даже не думала обо всем этом, забившись в нору и переживая свое горе на границе с безумием. Кто же знал, что ей станет легче только теперь, когда она прижмет к груди прах сестры, словно ушедшая Лиля вдруг прислала от себя весточку. Словно Лиля не закончилась, а все еще длилась и в этом мире тоже. И даже такая дурацкая ваза, – мелькнуло в голове у Лары, – все-таки лучше, чем вопиюще-красочные венки на холодном холмике земли.

– Стой, ты куда?

– Нам пора ехать, – повторила она. – Собираться. Скоро мы с Лилей едем на Байкал, как она и хотела.

Рита и Василий беспокойно переглянулись.

– Лара, – начала Рита вкрадчиво, как будто обращалась к душевнобольной. Девушка прочувствовала ее тон и вздохнула, вернулась, обняла одной рукой (в другой была урна) и чмокнула женщину в нарумяненную щеку:

– Не переживай так, все хорошо, – и улыбнулась отцу тоже. – Все хорошо, правда. Я просто нашла в комнате книги. Атлас и путеводители. Помните, Лиля планировала поехать на Байкал летом? Ну так вот, она поедет. Я отвезу туда прах и развею над Байкалом. Ей бы это понравилось.

Лара произнесла все это и удивилась сама себе. Не встало в горле кома, слова не перекрыли дыхание. Впервые она говорила о Лиле вслух, впервые после… И ей даже, кажется, удалось произвести впечатление вменяемого, адекватного человека.

– Тебе не обязательно уезжать от нас прямо сейчас. Побудь еще, – попросила Рита. И Лара поняла, что дым из головы выветривается, и мысли приходят в порядок, как будто решение, только что ею принятое, расставило по своим местам все внутри ее существа. В ней воцарился порядок. К ней вернулась способность рассуждать.

– Да, я останусь, – согласилась она. – До обеда, хорошо?

Это удалось ей впервые за долгое время: просто разговаривать с другими людьми. С отцом, с Ритой… Лара все еще смотрела на них как бы издалека, но уже была способна воспринимать их эмоции, их слова, перемены настроения, все то, к чему обычно она была так удивительно чутка. На Егора не обращала внимания, хотя Василий то и дело старался вовлечь их в одну на двоих беседу. Такие, довольно неуклюжие, попытки дипломатии Лара попросту игнорировала.

Василий видел поведение дочери, но напрямую ничего так и не спросил. Ему было достаточно уже и того, что она приехала и осталась на полдня. Теперь, после смерти Лили, больше всего на свете он боялся, что Лара тоже как-нибудь исчезнет. Он никогда не предполагал, что кто-то из его дочерей уйдет раньше него, и хотел верить, что их мать, Ира, была единственной его утратой. Это оказалось несбывшейся надеждой, и теперь Василий ощущал себя старым, потерянным и очень испуганным. Страх, поселившийся в его сердце, могла унять теперь только Лара, а до сегодняшнего дня он не видел ее с самых сороковин. Слишком долго. Он с трудом сдерживался, чтобы не схватить ее, не сжать до боли, до хруста, врасти в нее – хотя даже и тогда его желание быть рядом с дочерью осталось бы неутоленным. Потому что способа быть со своим ребенком так близко, как ему этого хочется, просто не существует в мире.

После обеда Лара еще раз поздравила отца и ненадолго снова очутилась в надежном тепле его рук. А потом расцеловалась с Ритой и направилась к машине. Достав из багажника небольшое покрывало, она распахнула дверь и принялась устраивать урну с прахом Лили на переднем пассажирском сиденье, где сестра всегда так любила ездить. В юности Лара всегда уступала ей это сиденье в старой отцовской «Ниве». Лиля так и не научилась водить машину, предпочитая, чтобы ее возили: сначала папа, потом Лара или Егор. Вечная спутница… – подумалось Ларе.

– Мы собирались поехать с нею вместе, – раздалось сзади.

Лара не слышала, как он подошел. Она все еще укладывала вокруг урны свернутое покрывало на манер гнезда, чтобы при торможении та случайно не разбилась.

– Куда? – пришлось все-таки спросить.

– На Байкал.

Лара усмехнулась. Осторожно прикрыла пассажирскую дверь и выпрямилась, смерив Егора уничижительным взглядом. Он стоял, опершись одной рукой о крышу автомобиля, и всем своим видом излучал спокойную уверенность. Ларе снова до смерти захотелось отвесить ему оплеуху, чтобы сбить эту невыносимую спесь. Вместо этого она хохотнула:

– Ага! Ну-ну, – и направилась к своей двери, собираясь сесть за руль. Но Егор оказался проворнее. Он обогнул автомобиль сзади и преградил Ларе путь, мешая открыть дверцу, и Лара зло сощурилась и замерла. Их тела разделяли всего каких-то тридцать сантиметров раскалившегося воздуха.

– Лара, послушай. Я не хочу ссориться. Лиля была моей женой. Да, у вас связь другого рода, я знаю… Но она была моей женой! Это кое-что значит. И это прах моей жены. Равно как и прах твоей сестры. И его дочери, – Егор кивнул в сторону крыльца, где стоял Василий и напряженно вглядывался в происходящее за оградой между его второй дочерью и зятем. – Эту утрату мы понесли все вместе, понимаешь? Так что перестань себя так вести. Не ради меня – ради отца.

Лара продолжала молчать, изучая лицо Егора иронично, почти издевательски. Но это его не смутило. Лара вообще сомневалась, что Егора Арефьева можно чем-то смутить.

– Ты мне не враг и никогда им не была, – признался он мягко. – Я вообще не понимаю, что происходит, если честно. Но давай не будем враждовать, очень тебя прошу!

Он подождал, ответит ли она что-нибудь, и не дождался.

– Развеять прах над Байкалом – это хорошая идея. Правда. Ты молодец. Лиля так мечтала об этой поездке. Мы много раз обсуждали это. Так что у меня есть предложение…

Обнадеженный Лариным молчанием, Егор перевел дух, прежде чем продолжить:

– Мы можем поехать на Байкал с тобой. Вдвоем. Рейсы до Иркутска летают каждый день, по несколько штук. Дорогу я тебе оплачу, это не проблема. И вместе исполним Лилину мечту…

Лара не могла поверить в то, что действительно это слышит. Она отшатнулась, словно рядом с Егором ей стало нечем дышать:

– Ты просто конченый псих. Зачем ты все это мне говоришь? Кого и в чем ты хочешь убедить? Зачем ты сюда таскаешься? Зачем вся эта игра? Да ты ведь недостоин даже имя ее произносить, не то что прах развеивать. Ну уж нет, дудки. Я сама ее отвезу, уж кто-кто, а ты тут не помощник!

– Да что с тобой?! – Егору вдруг изменило самообладание, голос его взмыл вверх.

– Что со мной? Ах, что со мной? – она мстительно усмехнулась. – А то со мной, что ты ее не любил! Что ты о ней грустишь не больше, чем о проигрыше ЦСКА в прошлом матче, вот я о чем! А она была твоей женой. Пошел вон с моей дороги!

Мужчина зажмурился несколько раз, как будто у него устали глаза:

– Лара, какая муха тебя укусила? Что произошло? Почему ты так ко мне относишься? Что я тебе сделал?

– Оказывается, ты ее не любил. Этого достаточно, – непримиримо заявила она.

– Ты этого не знаешь…

Лара пожала плечами и выразительно посмотрела на дверь, намекая, что разговор окончен, и пора дать ей уехать. Егор нервно вытер ладонью рот и подбородок, словно преграждая путь рвущимся наружу словам, кивнул и отступил от машины на шаг. Когда он засовывал руки в карманы джинсов, ему пришлось разжать кулаки.

Лара быстро села за руль и ударила по газам.

Всю дорогу до Москвы она прокручивала в памяти эту сцену с Егором. Да, он был вполне убедителен, и на месте любого другого человека, при взгляде со стороны, Лара уверовала бы в его искренность и ее, Ларину, бабскую сущность. Но вся загвоздка была в том, что Лара всегда, абсолютно всегда, знала истинные эмоции людей. Потому что это был ее дар. «Почему ты так ко мне относишься?» – спросил ее Егор. Что ж, у нее была причина, потому что она видела его истинные чувства к Лиле.

Лара не могла сказать точно, когда это началось. Ореолы. Любого человека она видела в ореоле, в нежной, но довольно различаемой разноцветной дымке. Поначалу, в раннем детстве, она понимала значение каждой такой дымки интуитивно, а постепенно стала узнавать и их названия. То вишневое, что охватывало одноклассника, когда он демонстрировал привезенный из-за границы пенал с кнопочками, называлось гордостью. Желтое, цвета одуванчиковой пыльцы облачко, окутывавшее при этом большинство ребят в классе, именовалось завистью, хотя у некоторых она все же перемежалась с искренней, апельсиново-яркой радостью. Болотного цвета завеса опускалась на обиженную кем-то девочку из первого «Б», ревущую в раздевалке. В любой момент времени такая дымка, чуть ярче или чуть тусклее, была у каждого – кроме папы, мамы и Лили, – и Лара воспринимала ее как часть жизни, не более и не менее странную, чем все остальное. Складывалось впечатление, что так было всегда, и до поры до времени девочка думала, что и другие видят мир так же, как она. И не обсуждала это даже с сестрой. Не всегда ведь есть повод обсудить то, что воздух прозрачный – он просто прозрачный, и все. Так что Лиля узнала о странной особенности зрения своей сестренки совершенно случайно, только в середине первого класса.

Маленький саботаж был назначен Ларой на третий урок. По расписанию было чтение, а Лиля так и не выучила стихотворение, заданное на дом, и ее нужно было спасти во что бы то ни стало, так что комочек пластилина, принесенный из дома, уже размягчался в кармане от тепла сжимавшей его Лариной ладошки. Он неминуемо должен был оказаться в замочной скважине кабинета, запертого на большую перемену, когда все одноклассники во главе с Анной Сергеевной отправятся в столовую, и сестрами уже владело веселое предвкушение от задуманной выходки. Но в конце второго урока Анну Сергеевну вдруг вызвали к телефону в учительской, и, когда до переменки та не вернулась, на завтрак ребят повела завуч.

Быстро проглотив бутерброд с сыром и не выпив и половины сладкого, неприятно-тепленького чая, Лара воспользовалась случаем и улизнула в коридор, подмигнув на прощание Лиле. Все должно было пройти гладко, как вдруг в холле девочка наткнулась на Анну Сергеевну. Та сидела на лавочке, где обычно переодевали сменку, и смотрела прямо перед собой, а вокруг нее сгустилась дымка тяжелого, грязно-синего цвета с изумрудными сполохами. Лара насторожилась и замерла, спрятавшись за стендом расписания. Она уже знала, что все ореолы синих тонов не сулят ничего хорошего, а такие изумрудные сполохи то и дело замечала у старшеклассниц, когда они крутились возле молодого учителя физики и с неприязнью косились на своих соседок. Что такое физика, Лара пока не знала, и истинного значения изумрудно-зеленых чувств тоже не понимала, но ощущала за этим что-то болезненное, как от занозы в пальце, только сильнее. И пока девочка раздумывала, что ей делать дальше, Анна Сергеевна вдруг вскочила и выбежала на улицу, прямо на мороз, хотя на ней была только юбка и тоненькая белая блузочка. Лара метнулась к окну, припала лбом к прохладному стеклу и успела заметить, как Анна Сергеевна вытирает рукой глаза, стаскивает с пальца на правой руке кольцо и зашвыривает его в сугроб, только что так любовно сооруженный школьным дворником дядей Гришей.

– Ну что, готово? – шепнула Лиля сестре, когда та вернулась в столовую. Лара покачала головой. Когда завуч попросила детей встать в пары, она тихо объяснила Лиле, что у Анны Сергеевны сине-зеленое настроение, и, наверное, урока не будет.

Так и вышло. Завуч объявила, что их учительница заболела, и остаток дня одноклассники просто просидели в кабинете под ее надзором, мастеря из цветной бумаги аппликации. Тут же, в уголке, Лиля и выпытала у сестры правду о том, что она видит всех «в цветных облачках».

– Я не понимаю, как это! – хмурилась она. Лара была сбита с толку:

– Ну как же так, Ли! Не придуривайся!

– Я и не придуриваюсь, – насупилась Лиля. Лара в растерянности вздохнула.

В этот момент завуч как раз отчитывала одного из мальчишек, только что щелкнувшего линейкой соседку по парте:

– Миша, если тебе нравится девочка, не надо ее бить!

Мальчик покраснел, и вокруг него начал наливаться аметистовый ореол стыда.

Лара зашептала Лиле:

– Ну вот….посмотри на Мишу. Ему стыдно. И вокруг него все сиреневое…

Лиля пристально оглядела одноклассника. Миша как Миша. Она пожала плечами:

– Я ничего не вижу!

Сначала Лара обижалась на сестру, думая, что та нарочно упрямится. Но вскоре с удивлением поняла, что та и правда не замечает оттенков чужих настроений. Как не замечает и мама, и папа, и все остальные. Родители не обратили на ее слова большого внимания, приняв это за очередную выдумку, одну из тех, что все время завладевали богатым Лариным воображением. Девочка не стала их переубеждать, достаточно было того, что через пару недель ей все-таки поверила Лиля. Лара взяла с сестры торжественное обещание, что та никому не скажет. Это был еще один секрет, такой же, как их тайный язык.

Только много позже Лара разобралась в нюансах человеческих эмоций – не во всех, но в большинстве. Изумрудно-зеленое чувство с резким, металлическим отблеском называлось ревностью. Она частенько оттеняла мягкий свет первых влюбленностей, которые рождались в стенах школы. Лару не переставало удивлять, как неравномерно порой распределяются цветные ореолы. Грядущая контрольная по математике была способна перекрасить настроение двадцати ребят в холодную сероватость уныния. Появление Лили заставляло почти всех мальчиков в классе покрываться нежной розовой дымкой, и стоило ей предпочесть кого-то одного, чтобы позволить ему донести свой портфель до подъезда, как остальных начинало лихорадить: от завистливого желтого до соломенно-палевого отчаяния. По отношению к самой Ларе такого ажиотажа вовсе не наблюдалось, но это было даже к лучшему – она просто не представляла, как себя вести в этом случае. Даже смотреть на все это со стороны было довольно утомительно, кроме того, она смущалась своей обреченности невольно подглядывать за людьми, замечать то, что они не хотели бы показывать первому встречному. Так что Лара постепенно училась

приглушать цвета ореолов, словно не обращать внимания, глядеть вскользь. Это требовало колоссальных усилий и долгой практики, к вечеру особенно насыщенного дня от усталости давило голову и тошнило. Но с каждым годом становилось все проще не замечать, что продавщица в бакалее чем-то расстроена, а сосед ревнует жену, и, кажется, за дело, если учитывать ее лавандово-лиловую вину. Лару часто сбивало с толку, когда люди вели себя совсем нелогично, и во власти синих и серых эмоций пытались шутить и смеяться. Она чувствовала себя неловко, ей становилось не по себе, потому что в этом несовпадении было что-то неестественное. Ничто так не пугало ее, как людское стремление выдать за правду то, что правдой не является. Но с годами Лара научилась примиряться и с этим.

Тем более что она знала о мире то, чего не знал больше никто: как много вокруг ровного опалово-белого света, похожего на свет миниатюрного солнца. Этот ореол был больше всех остальных. Такой же непостоянный, изменчивый, часто затуманенный другими эмоциями, даже притушенный, он все равно был главным. Опаловый свет охватывал пап и мам, когда те приходили забирать из школы своих чад, – и самих детей при виде родителей. В одной дымке на двоих сидели на скамейках парочки, обнимаясь или держась за руки. И когда Ларе по вечерам становилось грустно, она непременно смотрела на здание через дорогу. Это был районный роддом, и, когда на ночь в палатах гасли лампы, сквозь темные стекла все равно были видны мягкие блуждающие огоньки. Осознание того, что в мире есть это теплое ровное свечение, делало ее сильнее.

И конечно, Лара не была бы собой, если бы иногда не пускала свою способность на служение шалости. Она не могла удержаться, чтобы не похвастаться обновкой перед приятельницей, основное настроение которой всегда было желтым, и после обмена парой фраз с Ларой девушка и вовсе становилась лимонной. И не упускала возможности получить задаром хорошую оценку, воспользовавшись максимальным душевным подъемом учителя.

После школы сестры поступили в мединститут. Строго говоря, это была мечта Лили, а Лара решила просто поддержать ее. Тем более что профессия врача казалась благородной и возвышенной. К тому же Лара не боялась признаться себе в том, что в ее выборе присутствовала изрядная доля эгоизма: Ларе хотелось как можно чаще видеть благодарность людей, которых она вылечит. Благодарность в виде шелковистой коралловой дымки – чертовски приятное зрелище.

Она училась различать оттенки, выискивала названия для них. Оттенков было в разы больше, чем имен, но, чтобы точно различить, ей нужно было познакомиться с каждым из них. Как таковых слов для обозначения цвета было немного, остальные возникали из аналогии с предметом. Из разных книг, чаще всего старых, Лара узнала, что «брусничный» когда-то означал оттенок не красного, а зеленого, по цвету листочков этой сибирской ягоды. Что бледно-розовый может быть цветом «аврора» или цветом «бедра испуганной нимфы», а земноводные подарили русскому языку два названия: серый «лягушка в обмороке» и зеленоватый «влюбленной жабы». Уже в мединституте выяснилось, что женщины различают больше цветов, нежели мужчины – в силу большего количества клеток в глазу, отвечающих за цветовое восприятие, и она обрадовалась, что в кои-то веки ее пол наградил ее преимуществом: вообще-то к женщинам Лара относилась довольно скептически.

– Как ты думаешь, почему это твое видение не распространяется на нас с папой? – однажды полюбопытствовала Лиля. Лара и сама раздумывала над этим и приходила к выводу, что во всем виновато близкое кровное родство. Если вообще можно объяснить такое смутное явление в терминах биологии.

– Меня ослепляет любовь! – отшутилась она.

– Слушай, а почему мы за столько лет никак не назвали твои способности? Нужно название! А то вдруг когда-нибудь я открою тебя как медицинский феномен? – поддразнила сестру Лиля. – И получу Нобелевку!

– Вечно тебе все надо упорядочить, Ли… – с готовностью оторвавшись от учебника по анатомии человека, отозвалась Лара.

– Почему нет? Когда все лежит на своих местах…

– Ничто никогда не лежит на своих местах, – отозвалась Лара беспечно.

Лиля с сомнением приподняла тонкую бровь и назидательно постучала ногтем по корешку затертого учебника под редакцией Привеса. Лара поняла ее без слов: как можно говорить о беспорядке, если изучаешь медицину, а строение человеческого тела – венец всему, Космос, порядок, возведенный в абсолют. Лара в ответ только хмыкнула.

Сестра сосредоточенно обдумывала что-то, покусывая изнутри щеку. Лара посмотрела на толстый библиотечный том с тоской и решила продолжить болтовню:

– Может быть, это и есть аура? Я вижу ауры?

– Никакие это не ауры! Аура – это почти душа, она ведь постоянная, а у тебя обычное видение эмоций.

– Обычное… – усмехнулась Лара. – Сказала мне величайший эксперт по аурам…

– Ты понимаешь, что я имею в виду! – отозвалась Лиля и вдруг вскрикнула: – Да, знаю! Я назову этот феномен «эмоциональным рентгеном»! Мы будем изучать тебя в лучших лабораториях мира.

– Отлично. Тогда с тебя белая шуба. Хочу как можно точнее вжиться в образ подопытной мыши. Красные глаза прилагаются.

Обе, конечно, знали, что такого рода беседы – не более чем способ сделать перерыв в зубрежке. Выдать Ларин секрет Лиля не согласилась бы и под пыткой. Кроме этого, она мечтала быть инфекционистом и никакой «эмоциональный рентген» исследовать не собиралась. Несмотря на постоянный недосып и почти реальное ощущение кипящих мозгов, Лиля училась самозабвенно и целеустремленно. Чего никто не сказал бы о Ларе.

Иногда Ларе становилось тягостно оттого, что сестра не может взглянуть на реальность ее глазами. Но чаще она просто боялась за Лилю, ведь та, по ее мнению, совершенно, даже катастрофически, не разбиралась в людях. Хорошо еще, что она почти всегда прислушивалась к чутью младшей сестры. Лет с шестнадцати главным поводом посоветоваться были, конечно, парни: вокруг Лили, несмотря на ее серьезность, их всегда кружил хоровод. Из двух симпатичных сестер, обладающих почти идентично стройными ножками, серыми глазами и лицами в форме сердечка, мужской пол безошибочно выбирал менее опасную. Лара была на них не в обиде.

Она очень хорошо помнила тот день, когда в жизни Лили появился Егор Арефьев. Это было вскоре после того, как Лара бросила мединститут на последнем курсе, а Лилю взяли на практику в лабораторию при НИИ эпидемиологии.

Несмотря на то что настроений сестры она в буквальном смысле не видела, Лара прекрасно замечала все остальное: учащенное дыхание, блуждающую улыбку, глаза, которые, еще немного – начнут сыпать искрами, как электросварка. Лиля вернулась домой всего несколько минут назад, а Лара уже знала:

– Ты влюбилась.

Сестра смутилась, как школьница, чем только подтвердила догадку. Лара с удивлением отметила, что впервые видит ее такой встревоженной и восторженной одновременно.

– Кто он? На работе? Он что, лаборант, как и ты? – забросала ее Лара вопросами. – Будущие супруги Кюри?

– Не будь такой едкой.

– Я не едкая, я проницательная!

Лиля присела на диван и взяла руки сестры в свои:

– Послушай. Завтра у нас свидание. Пойдем со мной?

Лара закатила глаза:

– Не думаю, что стоит начинать отношения с такого поворота? Что ты ему скажешь? Знакомься, это мой дубликат, на случай, если…

– Кузнечик, не передергивай, пожалуйста! – взмолилась Лиля. Она и правда была на взводе. – Просто ты придешь в то же место, посидишь за соседним столиком и потом выложишь мне все, что у него на уме.

– А ничего, что мы с тобой… как бы это помягче сказать… немного похожи? У мальчика не будет легкого дежавю? Или тебя это не смущает? – еще больше развеселилась Лара. И все-таки дала себя уговорить. Ей было до чертиков любопытно, кто мог так вскружить Лиле голову.

Строго говоря, он был не «с работы». И далеко не мальчик – как позже выяснилось, на десять лет старше сестер Велесовых. Лиля познакомилась с ним в НИИ только потому, что он представлял компанию, поставляющую новое оборудование. Более того, он был вице-президентом этой компании, и администрация попросила Лилю провести ему небольшую экскурсию по лаборатории, после которой они просидели в кафе через дорогу весь обеденный перерыв и условились встретиться на следующий день. Лиля влюбилась уже к вечеру.

Назавтра сестры провернули все, как и условились. Лиля встретилась с Егором в ресторане, а Лара устроилась неподалеку, прикинув, что без ущерба для семейного бюджета в этом заведении она может позволить себе только чашку капучино. Собирая ложечкой кофейную пенку, припудренную корицей, она не спеша наблюдала за сестрой и ее спутником.

У Арефьева были повадки человека, уверенного в своих силах. Двигался он без суеты, даже, пожалуй, красиво, темный костюм отлично сидел на подтянутой фигуре, а верхняя пуговица рубашки была небрежно расстегнута. С легким беспокойством Лара отметила, что по положению и достатку этот человек сильно превосходит их семью. К ресторану, куда девушки добрались на метро, он прикатил на серебристом «Вольво».

Внешность у него тоже была выше среднего, и это еще мягко говоря. В юности его наверняка можно было назвать смазливым. Сколько ему лет сейчас, гадала Лара, тридцать? Больше? В его облике уже не было мальчишеской мягкости. Ставшие заметными первые морщинки добавляли мужественности и одновременно выдавали веселый нрав. Лара приметила все детали его внешности, даже необычный разрез глаз. Внешние уголки не подняты, как у большинства людей, а опущены, из-за чего все лицо приобретает выражение серьезное и интересно-грустное. Женщины наверняка в очередь выстраиваются, чтобы испытать свои чары на этом загадочном мужчине, в котором расслабленная грация успешности сочетается с опытностью особого рода. Сочетание убийственное. Но Лару было не обмануть, уж она-то знала, что мужчины пользуются преимуществами своей внешности едва ли не чаще и

беззастенчивее женщин, если, конечно, эти преимущества есть. Поэтому сама Лара всегда держалась подальше от красавцев: себе дороже, нет на свете хищника опаснее, чем нечестный привлекательный мачо.

Но Егор Арефьев был не из этой породы, тут же решила она. По крайней мере, по отношению к ее сестре. Когда мужчина вошел и увидел уже дожидающуюся за столиком Лилю, вокруг него заклубилась оранжевая радость. Теперь, когда девушка звонко рассмеялась какой-то его шутке, Лара рассмотрела вокруг него тонкий ореол цвета гортензии, редкостный, мимолетный перелив розового в голубой. Нежность. Надо же, – поразилась Лара, – не вожделение от близости новой женщины, не тщеславие от очевидной своей победы, и даже не робкая надежда на продолжение вечера, а нежность. В эту секунду все и решилось: Егор Арефьев прошел ее личный отбор, сам того не ведая.

Разглядывая Егора, она так увлеклась, что не сразу сообразила, когда он встал и направился прямиком к ее столику. Остановившись рядом, мужчина лукаво взглянул на нее.

– Судя по… – он сделал большую паузу. – По вашему пристальному взгляду, мы заочно знакомы. Лара?

– Верно, – кивнула она, ничуть не стушевавшись. Разведчицы из нее не вышло, ну так что же…

– Присоединитесь к нам? – предложил Егор.

Лиля розовела, как креветка, чем изрядно веселила и сестру, и Егора, если судить по его улыбкам. Но в целом они отлично провели вечер.

Егор оказался едва ли не первым в жизни сестер, кто ничего не сказал про их схожесть. Не пошутил убогой банальностью, как частенько бывало, если знакомый желал блеснуть остроумием. Вблизи он показался Ларе таким же безопасным и подходящим для ее сестры, как и издалека.

– А он смышленый, – признала она по возвращении. – Наверное, самый умный из всех, кто за тобой ухлестывал. По крайней мере, никаких комментариев в стиле «о, близняшки, круто…»

Лиля вспыхнула, явно обнадеженная этими словами, и стиснула Ларину руку.

– Только дальше вы уж как-нибудь без меня, – предупредила ее Лара. – Справитесь?

Они справились.

Они справились на «отлично». Через год Лара взирала на предсвадебную суматоху с легким недоумением и улыбкой: что ж, Лиле всегда хотелось быть настоящей принцессой. И уж коль скоро английские и шведские принцы далеко, Егор вполне достойная им замена.

В день свадьбы Лара отвела Егора в сторону, пока остальные суетились вокруг невесты. Ему хватило одного взгляда на сестру своей избранницы, чтобы разулыбаться:

– Знаю вплоть до каждого слова то, что ты хочешь мне сказать.

– Да ну? И что же?

Глаза Егора были серьезны, и он даже взял Лару за руку, пожал ее прохладные пальчики.

– Лара, я обещаю тебе заботиться о ней. Я знаю, как сильно ты ее любишь. И я ее люблю. Не волнуйся, я буду ее беречь.

– И жили они долго и счастливо? – прикусила Лара губу.

Егор развел руками:

– Насчет долго – кто знает. Но счастливо – обязательно! Подходит тебе такое?

Лара кивнула, и он скрепил их маленький уговор, чмокнув ее в щеку.

Она поверила. Тогда у нее не осталось никаких сомнений в том, что этот человек сделает ее сестру счастливой. Иначе и быть не могло: Егор был просто обязан. И

все годы, последовавшие за этим событием, свою обязанность он исполнял.

А потом что-то произошло.

За год до Лилиной смерти Лара познакомилась на одной из выставок с веселым бородачом-британцем. Его звали Дэвид Крент, он оказался известным фотографом, они разговорились. Лара показала Кренту свои работы и уже спустя неделю собирала чемодан. Она уехала в Лондон на восемь месяцев, на импровизированную стажировку в качестве нового ассистента мистера Крента. Конечно, поначалу она еще раздумывала, но, обсудив все с Лилей, они пришли к общему решению: второго такого шанса может и не выдаться, это сказочное везение. На поприще фотографии Ларе вообще повезло куда больше, чем в качестве студентки медицинского, и она ни разу не пожалела, что бросила институт. Единственной трудностью теперь стала разлука с сестрой, которую обе переносили тяжело, даже несмотря на ежедневные созвоны и разговоры по Интернету.

Лара скучала по сестре. Но лондонская жизнь, насыщенная, другая, закрутившаяся вокруг вихрем, относила ее все дальше от Лили, и та, вместо того чтобы признаться в своих переживаниях, лишь задорно подмигивала ей в веб-камеру и говорила, что все хорошо. И Лара почему-то верила, хотя и чувствовала недосказанность, легкую заминку. Это было удобно. А теперь оказалось непростительно.

Когда она возвратилась в Москву, обзаведясь знакомыми и отличными предложениями и наперед устроив свое будущее, в жизни Лили все уже было как будто в порядке, и Лара решила, что трудности сестры позади, и если она не рассказывает, то и не стоит лезть в Лилину душу. Все прошло, а жизнь продолжается. Сейчас Лара понимала, как страшно ошибалась, потому что несколько месяцев спустя Лилина жизнь не продолжилась, а бессмысленно оборвалась.

И теперь, не зная, что произошло в ее отсутствие, Лара во всем винила мужа своей сестры.

Ей снова и снова вспоминался тот скандал на кухне накануне кремации. Никто не понял ее воплей, все посчитали Лару убитой горем истеричкой. Она и была убита. Но даже когда слезы вытравили ей глаза и половину души, она не

перестала видеть. Она видела, что лицо отца осунулось, почти почернело, и он разрушен, как только может быть разрушен отец, потерявший дочь, которую вырастил в одиночку. Она видела, что вокруг бабушки Саши сгустилось облако горя, почти антрацитовое и непроницаемое, как ноябрьская тьма. Она видела, как скорбит Рита, окруженная сполохами цвета синей стали. И на их фоне бледно-голубой отсвет вокруг Егора казался ей немыслимым, оскорбительным, невыносимым. Она желала бы, чтобы этот мужчина бился в рыданиях, ночевал у гроба и целовал холодные руки своей ушедшей жены, но при этом обреченно видела все, что он чувствует, – а это было только уныние, только грусть. Грусть? Как он смеет… Грусть – по Лиле, которой никогда больше не будет? И она возненавидела Арефьева, потому что никогда не ожидала от этого мужчины такой подлости. Только не от него.

Припарковав машину у подъезда, Лара бережно взяла с соседнего сиденья урну с прахом своей близняшки. Она не жалела, что съездила на день рождения к отцу, даже несмотря на стычку с Егором, – ведь теперь с ней снова была ее Лиля.

– Скоро поедем на Байкал, Ли, – погладила она керамическую вазу и даже слабо улыбнулась. – Там будет хорошо, вот увидишь. Только ты и я. Никто нам больше не нужен, особенно твой Арефьев. Теперь опять только ты и я.

Глава 3. Начало

Все переменилось. Апатия и безысходность, владевшие Ларой все эти недели, сменились болезненным оживлением. Мысль о том, что она должна отвезти Лилю на Байкал, действовала сродни наркотическому уколу: боль утихла, и мир вокруг, – события, люди, даже предметы, – все это ускорилось. «Отвезти Лилю» стало главной целью, идеей фикс, конкретной и абстрактной одновременно, потому что Лара не представляла себе ни дорогу, ни итог этого путешествия. Она словно забыла, что в конце пути ей предстоит не посидеть с сестрой на скале, глядя на зачарованную гладь древней воды, а опрокинуть в порыв ветра урну с серым пеплом, в который превратилось ее тело.

Для начала Ларе нужны были деньги. За те месяцы, что она просидела дома, равнодушная к работе и всему, что ее окружало, деньги утекали со счета на оплату всевозможных платежей, которыми непременно обрастает взрослый человек. А скопить много, даже при ее неплохих заработках, Лара не могла, просто не умела, предпочитая спускать все деньги сразу, на подарки Лиле и отцу, или на развлечения, причем ее одинаково радовала и дружеская вечеринка в клубе, и прыжок с парашютом или ночной оглушительный полет по городу со знакомыми байкерами. Она обожала все, что приносило ей новые эмоции, и еще больше любила попадать в цветастый вихрь чужого восторга.

Так или иначе, денег на счетах почти не осталось, и, обнаружив это, Лара принялась за дело. Больших заказов ей не делали, и работать приходилось помногу и без прежних гонораров. Лара видела, что недотягивает до своего уровня, что ей часто изменяет глаз и чутье, и ничего не могла с этим поделать. К утру, когда заканчивалась очередная ночная съемка и остывали, потрескивая, осветительные приборы, а обманчивое волшебство глянцевой жизни постепенно таяло, Лара выходила на улицу. Прислоняясь к машине, она пила кофе из картонного стаканчика, обхватив его ладонями, и пыталась как можно дольше продлить это благословенное оцепенение, сонное отупение, накрывавшее ее после долгой работы. Она ни о чем не думала, просто изучала трещины в стене напротив, причудливо вьющийся от стаканчика ароматный пар, бесконечный узор тротуарной плитки. И это было прекрасно – ни о чем не думать. Потом на окраине сознания начинала зудеть какая-то мысль, навязчивая, но неуловимая. Всплывало слово «Байкал», и за ним из памяти тут же увязывались образы, звено за звеном, и каждое причиняло боль. Встрепенувшись, Лара отшвыривала от себя стаканчик в сторону мусорного бака, открывала большую спортивную сумку с оборудованием, камерой, объективами и шарила там в панике, пока не натыкалась на керамическую урну. И тут же замирала, потрясенная своим облегчением и горем, сплетающимися воедино, как змеи в клубок. Тогда она ехала домой и ложилась спать.

Пузырек со снотворным все еще ждал на тумбочке. Вместо него Лара видела белый вопросительный знак. Она пока не знала ответа на вопрос, но точно была уверена, что найдет его в своем путешествии.

Несколько раз звонил Арефьев. Но Лара, видя его номер на определителе, попросту не брала трубку. Она была уверена, что его настырность сойдет на нет, причем скорее рано, чем поздно. Так и вышло, через несколько дней сообщения о пропущенных звонках перестали высвечиваться на дисплее. И в ту же секунду

Лара вычеркнула Егора Арефьева из своих мыслей, будто его и вовсе не существовало на свете.

Все дела были улажены только к началу июня. Наступил день, когда Лара посчитала, что заработанного должно хватить. Сумму она поделила пополам: им с Лилей на большое путешествие, и папе в конверт, который она оставит на своем столе. С короткой запиской на случай… На всякий случай. Следующее предложение о работе она отвергла и сразу после окончания разговора вытащила из телефона сим-карту. Неожиданно через анестезию ее теперешнего состояния к Ларе пробилось чувство удовлетворения, ей даже понравилось ощущать себя невидимкой. Она растворилась, исчезла для всего мира, для всех, кто ее знает. Значит, пора. Значит, завтра утром ее квартира будет пуста и бездыханна, а на парковке под окнами уже не будет стоять ее машина. Наверное, так и Лиля сейчас порхает, невидимая и беззаботная… Что ж, пора исчезнуть вместе.

В этот последний день Лара принялась за уборку. В отличие от старшей сестры, оплота чистоты и аккуратности, она была довольно безалаберна. Их детскую комнату некогда раздирали противоречия: островки порядка тонули в море неразберихи, с повисшими на стульях колготками, разоренным ящиком шкафа и добрым десятком раскрытых книг – Лара читала их все сразу, принимаясь в течение дня то за одну, то за другую, в зависимости от настроения. Переделать Лару было невозможно, и, когда Лилино терпение заканчивалось, она без единого упрека принималась раскладывать все по местам. Лара тут же приходила на помощь, хоть и знала, что к вечеру ей снова что-нибудь понадобится или на самом дне ящика с носками, или в третьем ряду книжного шкафа – и то, что встретится ей на этом пути, окажется непременно брошенным на середине комнаты. В крайнем случае, на подоконнике.

С тех пор мало что изменилось. Лара увидела свою квартиру глазами постороннего и почувствовала укол совести. В раковине посуда навалена горой, так что невозможно набрать в чайник воды из-под крана. Девушка тут же припомнила, что, кажется, последние несколько дней наполняла чайник в ванной. Она и в лучшие времена не видела ничего страшного в том, что днем сок наливается в ту же чашку, на которой засохли следы утреннего кофе. Лара могла есть борщ, покачиваясь в кресле и держа тарелку на весу, догадываясь, что непременно обляпается. И когда пара капель красной жидкости падала на белую футболку, она только понимающе фыркала, мол, так я и думала. Лилю это

всегда потрясало:

– Я не понимаю. Тебе ведь самой потом стирать все это. И убирать тоже. Куда проще поддерживать чистоту, чем…

– А, ты не понимаешь. Это скучно. И потом – я ленива.

– Творческой личности творческий беспорядок? – приподнимала Лиля бровку. Лара трясла головой:

– Не-а. Творческий беспорядок… Ерунда это все! Просто надо смотреть правде в глаза: я ленива.

Иногда на Лару нападало оживление, и она за пару часов наводила в квартире блеск, исступленно оттирая тряпками с чистящими кремами зеркала, холодильник и плиту. Потом обводила глазами сияющую квартиру, вздыхала спокойно – и забывала о порядке еще на две недели.

Теперь все обстояло куда хуже. За время, прошедшее с гибели Лили, Лара не обращала внимания на свою квартиру. И она ужаснулась, представив реакцию сестры. А ведь она здесь – вон и урна стоит на табуретке рядом с кроватью… Лара бросилась за шваброй.

К вечеру зеркало в ванной наконец-то стало отражать, тапки перестали липнуть к полу, всюду пахло освежителем воздуха с лимоном, а растения в горшках, усыпанные сухими листами и трескучими соцветиями, отправились вниз, к подъезду. Оставлять их все равно было некому, а так – может, сердобольная соседка сжалится. Даже зарядивший с прошлой недели дождь был сейчас внимательнее к растениям, чем Лара. Ее заботила только урна, книги с Лилиными пометками и путешествие, которое начнется завтра. Ближе к вечеру Лара отправилась в магазин и купила рюкзачок, небольшой, изящный, сшитый из светлых и темных кожаных лоскутов. Дома она первым делом поместила в него урну с прахом и осталась довольна: рюкзак будто специально сшили для урны и для их поездки.

Потом она собралась с духом и позвонила отцу.

– Привет, пап. Это мой новый номер, на время поездки. Я завтра утром уезжаю… На Байкал.

– Уже?

– Да.

В трубке послышался вздох.

– Хорошо. Позванивай иногда.

– Конечно… Передавай привет Рите.

– Удачи… вам двоим.

Ночью она плохо спала. Большая дорога, еще не начавшись, уже волновала, смущала разум и разгоняла дрему. Лара то и дело открывала глаза, разбуженная стуком собственного сердца. Никогда до этого она не отправлялась в путешествие вот так. Даже самой себе Лара не решалась произнести слово «одна», поэтому предпочитала неопределенное «вот так».

Утро выдалось хмурое, в воздухе дрожала мокрая взвесь дождя, в шесть часов было еще сумрачно и сонно. Лара взяла дорожную сумку, закинула на плечо рюкзачок с урной, сунула в левый карман джинсов пузырек с таблетками снотворного и заперла квартиру, сама не зная, вернется ли она сюда когда-нибудь.

Но все пошло наперекосяк. При повороте ключа двигатель старенького «Опеля» только натужно хрипел.

– Здрасте-приехали… – с отчаянием пробормотала Лара и вылезла, открыла капот, словно это как-то могло помочь. Водителем она была хорошим, но вот механиком никудышным. Когда через несколько минут неподалеку остановился автомобиль и хлопнула дверь, Лара в нерешительности грызла заусенец, уткнувшись в безликие клеммы и провода, и не смотрела по сторонам. Она обдумывала неясные перспективы.

– Доброе утро.

Не веря своим ушам, Лара повернулась. К ней неспешно направлялся Егор Арефьев, выспавшийся и доброжелательный. В серой толстовке с капюшоном, джинсах и кедах он выглядел лет на десять моложе. Лара замерла, чувствуя недоброе:

– А ты что здесь делаешь?

– Прости за машину, – вместо ответа проговорил он. – Я не знал точно, во сколько ты собираешься выехать, так что пришлось поколдовать над ней вечерком…

– Что? – задохнулась Лара. – Ты?

Она в ярости сделала шаг навстречу. Мужчина обезоруживающе поднял руки:

– Эй-эй, спокойно… Не дерись.

– Что тебе надо?! Почему ты не можешь оставить нас в покое?

– Я обещал твоему отцу.

– Что ты сделал с моей машиной? Мне надо выезжать! Верни все как было и проваливай!

Лара проклинала завладевшую ею так не вовремя растерянность и старалась не показывать это. Егор покачал головой:

– Нет. Сейчас ты положишь вещи в мою машину, потом сядешь, и мы поедем вместе. Иначе никак. Я обещал твоему отцу, что не отпущу тебя одну в эту поездку. Сама ты не справишься, одной отправляться через всю страну – безумие. Опасное. И Лиля была моей женой, так что – смирись. Это мой совет. Так всем будет проще…

К Ларе постепенно приходило осознание его слов. Он ведь заранее все подстроил, сломал ее машину, заручился поддержкой отца (вот что значило это папино «удачи вам двоим»!) и теперь пытается загнать ее в угол. Подлец…

Она набрала в легкие воздуха, как для крика, но заговорила тихо.

– Ты подлец. Если тебе хоть сколько-нибудь дорога Лиля, сейчас ты исправишь мою машину, а потом дашь мне уехать. А впрочем, знаешь? – сообразила она. – Ничего мне от тебя не надо! Я вызову ребят из сервиса, они все исправят, и я поеду. Понятно? Тебе понятно?

Егор явно колебался.

– Лара, черт, ну зачем? Ты меня вынуждаешь на крайние меры! – он достал из кармана куртки MP3-диск и потряс им перед нею. – Знаешь, что это?

Девушка молчала, испепеляя его взглядом. Он кивнул:

– Именно. Это диск, который Лиля записывала в поездку. Ты ведь знаешь, она всегда перед путешествием так делала.

Это была правда. Лиля любила готовиться заранее. Привыкшая к тому, что Лара с детства пичкала ее легендами, в замужестве она изменила лишь механизм изложения. Теперь Лиля наговаривала диск с импровизированной экскурсией, озвучивая все, что вычитала в путеводителях и на форумах, чтобы не отвлекаться в дороге. Важную информацию о новых местах она перемежала своими любимыми мелодиями, шутками, рассуждениями, так, чтобы в пути не приходилось ловить радио – это было собственное радио с диджеем Лилей, внутренний эфир для своих.

И сейчас диск, радужно поблескивающий лазерной стороной, хранил ее голос. Лара нервно сглотнула.

– Врешь.

Егор развел руками и вернулся в свой джип. Вставил диск в магнитолу и выкрутил звук на максимум. Лара забыла, как дышать.

– Привет-привет! – зазвучал из динамика любимый смешок ее сестры. – Ну что, значит, Байкал?..

Егор нажал на «стоп», и Лара дернулась всем телом. Он вытащил диск и вышел из машины.

– Поедем, Лара… – предложил он едва слышно.

– Отдай. Отдай мне! – она налетела на него и принялась колотить по его груди кулаками, так что ему пришлось перехватить ее запястья. – Отдай, слышишь!

Дядечка, гуляющий неподалеку с собакой, уставился на них с любопытством. Лара боялась, что не выдержит и расплачется, и вырвалась. Ей хотелось убежать, но Лилины слова, все еще эхом звучащие в ушах, держали крепче поводка. Егор смотрел на Лару с горечью, и вокруг него слабо вспыхивал голубой ореол. Грусть. Ну хоть что-то…

– Я не могу отпустить тебя, – в его словах звучала убежденность. – Мне надо поехать.

– Зачем тебе? – взвыла она.

– Мне надо. Понимаешь, надо. Кое в чем разобраться. Для этого ты тоже должна ехать.

Егор видел, что она не уступит. Он помрачнел, снова вытащил диск и взял его обеими руками:

– Ты хочешь, чтобы я его сломал?

– Нет! – она подалась вперед быстрее, чем осознала свое движение.

– Ты поедешь со мной?

Она почувствовала себя загнанной в угол. Если бы она была собакой, то сейчас присела бы на лапы и заскулила от безысходности. Радужный диск был так хрупок в руках Егора, и она боялась: одно легкое движение, и голос Лили навсегда исчезнет, так никем и не выслушанный.

– Ты хочешь, чтобы я его сломал? – с угрозой повторил Егор. Он не шутил, Лара видела это.

И тогда она поняла, что сдается. Что поджимает хвост. Пусть лучше сломается она, чем диск с голосом Лили, диск, где она радуется, что осуществляет свою мечту… Все, что угодно, лишь бы он не сломал это сокровище!

– Я превращу эту поездку в ад для тебя, – прошипела ему Лара.

– Это уж как тебе будет угодно.

Она безвольно смотрела, как Егор невозмутимо кладет ее сумку в багажник своего джипа, пристегивается ремнем, задает в навигаторе маршрут. Наконец он опустил стекло:

– Ты садишься или как?

Лара открыла переднюю пассажирскую дверь и поставила на сиденье рюкзачок.

– Там Лиля, – пояснила она с вызовом в ответ на вопрошающий взгляд Егора.

Потом устроилась на заднем сиденье и уставилась в окно. Она не собиралась больше показывать слабость, но с замиранием сердца замечала любое движение Егора, изнывая от нетерпения…

Это произошло, как только машина свернула с кольцевой автодороги. Москва осталась позади.

– Привет-привет! – хихикнула из динамика Лиля. – Ну что, значит, Байкал?

До него еще ехать и ехать, я до сих пор не могу поверить, что мы выбрались. Но раз мы это слушаем, значит, все-таки ввязались в эту авантюру! И это здорово. Поскольку я записываю этот диск задолго до поездки, все мои мысли носят гипотетический характер. Наверное, сейчас раннее утро, и пробок еще нет. Дождь или солнце – неважно. Впереди пять с половиной тысяч километров. Какая огромная у нас страна, рехнуться можно. Взять хотя бы новогоднюю ночь.

Новый год идет по стране – сколько? Восемь часов? Когда он уже наступил в Петропавловске-Камчатском, в Москве только три часа дня. Не говоря уж о Калининграде. Просто в голове не укладывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/elena-verner/grustnichnoe-varene/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Джон Бон Джови – американский музыкант, рок-исполнитель (здесь и далее прим. автора).

Купить: https://tellnovel.com/elena-verner/grustnichnoe-varene-kupit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити